

$\frac{D}{8} \frac{11}{795}$

П. ЕРШОВ КОНЕК ГОРБУНОК

2^Е ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

П. П. ЕРШОВ

P 11
795

КОНЕК-ГОРБУНОК

РУССКАЯ СКАЗКА

ПРЕДИСЛОВИЕ
А. Г. ГОРНФЕЛЬДА

РИСУНКИ
Т. ГЛЕБОВОЙ

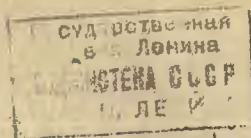
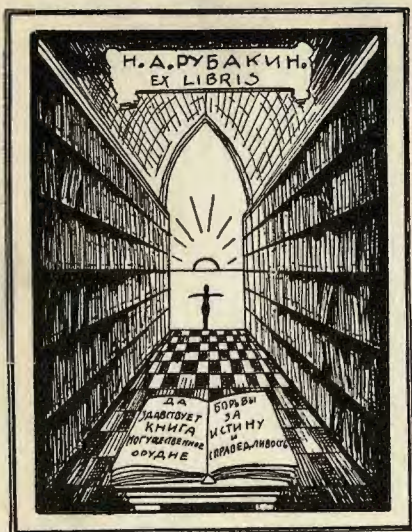
7566

ВТОРОЕ

ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

83394-48

Д. 21. Гиз № 29576/л.
Ленинградский Областлит № 18805.
6 1/2 л. Тираж 30 000.

2015148380

КНИЖКА ИМЕЕТ:

Листов
печатных

Выпуск

В перепл.
един. соедин.
№№ вып.

Таблиц

Карт

Иллюстр.

Служебн.
№ №

№№
списка и
порядковый

1952 г. 60

7

16/1 — 100000

501.
344.

20

20

П. П. ЕРШОВ И ЕГО СКАЗКА

!

Скоро сто лет с тех пор, как написана эта сказка, но она не забывается, как забыто многое другое, написанное так давно. Детми мы смеемся над ее шутками, над невероятными и удачными приключениями ее героя, потом, рано полюбив ее, мы охотно вспоминаем из нее разные смешные стишки и словечки, иногда, уже став большими, перечитываем ее и с теплым чувством оста-навливаемся на том, что порадовало и позабавило нас когда-то. А о том, кто написал ее и как написал, мы знаем мало, хотя, верно, еще больше полюбили бы его милую сказку, если бы знали больше о ее авторе. Вот жизнь его совсем не была похожа на такую сказку: однообразная, серая жизнь, совсем невеселая и без всяких приключений. Одно только было в ней замечательное и необычайное: то, что он написал такую сказку, которою люди зачитываются и теперь, спустя сто лет.

И в каком возрасте написал — ведь ему было в то время всего девятнадцать лет! Если бы он продолжал так, как начал, то его имя называли бы рядом с Лермонтовым или Некрасовым, теперь же его можно назвать лишь писателем известным, но никак не большим: ведь „Конек-Горбунок“ не только самое известное, но, можно

с правом сказать, единственное его сочинение; о других говорить не стоит. Написал он свою сказку, будучи студентом Ленинградского — тогда Петербургского — университета. Родом он был из далеких сибирских краев, где отец его был на государственной службе, и первые детские его впечатления были не очень веселы. Как писал он сам впоследствии:

Мой первый слух был — вой бурана,
Мой первый взор был — грустный взор
На льдистый берег океана,
На снежный горб высоких гор.

С приветом радостным рожденья
Уж было в грудь заронено
Непостижимого мученья
Неистребимое зерно.

Конечно, не так уж ужасно вырасти в Сибири и смотреть в детстве на снежные горы и морской берег: немножко юноша преувеличивал, потому что начитался чужих мрачных стихов и брал из них мрачные слова. Во всяком случае довольно рано он освободился от тоскливости этой первоначальной обстановки:

Чредой стонали в вечность годы,
Светлело что-то впереди,
И чувство жизни и свободы
Забилось трепетно в груди.

Я полюбил людей как братьев,
Природу — как родную мать,
И в жаркий круг моих объятий
Хотел живое все созвать...

Полным таких чувств, жизнерадостным и приветливым, тихим и задумчивым запомнили его товарищи по университету, куда он поступил по окончании Тоболь-

ской гимназии в 1831 году. Здесь и было место его первого литературного успеха и признания: однажды на лекции профессор русской словесности, П. А. Плетнев, сообщил слушателям, что один из их товарищей написал сказку в стихах под заглавием „Конек-Горбунук“, — и прочел им первую часть этой сказки. Радостное удивление вызвало это в студентах: никто не ожидал найти в замкнутом, загадочном Ершове писателя, да еще такого веселого, иногда насмешливого и по-простонародному бойкого. А он, окруженный приветствующими его приятелями, оставался все таким же молчаливо улыбающимся, приветливо сдержанным.

От Плетнева, приятеля и поклонника Пушкина, узнал великий поэт о начинающем писателе, познакомился с ним, прочитал в рукописи его сказку и написал ее первые четыре стиха:

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба, на земле,
Жил старик в одном селе.

Так и печатаются эти четыре стиха в сочинениях Пушкина и в сказке Ершова. Пушкин сам написал ряд стихотворных сказок и, конечно, Ершов подражал их складу в своем „Коньке-Горбунке“, но как удачно было его подражание, видно не только из того, что сказка его дожила до наших дней, но и из того, что, прочитав ее, Пушкин сказал Ершову: „Теперь этот род сочинений можно мне и оставить“. Вскоре первая часть „Конька-Горбунка“ была напечатана в журнале, а затем она была издана целиком в отдельной книжке. Молодой автор вошел в круг писателей. Вслед за Плетневым и Пушкиным его знакомым стал добрый, внимательный к людям Жу-

ковский. В журналах Ершова хвалили, в писательской среде поддерживали и одобряли.

Окрыленный этим успехом, он уже задумал новую большую работу, грандиозную стихотворную поэму „Иван-Царевич“, где собирался объединить в одно целое все главнейшие русские сказки. Пока что он писал отдельные стихотворения, и они печатались в журналах. Эти стихи очень мало похожи на „Конька-Горбунка“. Это уже не веселые рассказы о небылицах, о подвигах сказочных героев: это задумчивые и серьезные описания того, что делалось в душе самого молодого поэта. Очень трудно писать такие стихи, очень трудно быть в них ярким, сильным и поэтичным, и новые стихи Ершова в новом для него роде уже не вызывали того сочувственного отклика, каким был встречен его „Конек-Горбунок“. Он почувствовал, что мало знает жизнь, что хорошо бы применить к практическому делу полученное в университете образование; его тянуло к работе, тянуло и на родину, в Сибирь, где, казалось ему, можно многому научиться не из книг, а из народного быта, который он так любил.

Летом 1836 года, получив место учителя в Тобольской гимназии, он переехал сюда — в сущности, на всю жизнь. Ему в это время было всего 21 год. Вопреки его ожиданиям, серой и неприветливой оказалась для него родина: вяло и однообразно потянулись его дни в Тобольске. Что был тогдашний сибирский город, без железной дороги, без возможности прочесть новую книгу, без общества образованных людей? Кто там жил? Малограмотные купцы да невежественные чиновники. Не сознавая своего невежества, они ничего кроме высокомерного презрения не питали к народной сказке. Это пища для

мужиков да для ребят, а человек взрослый и разумный, да еще барин разве должен заниматься сочинением таких небылиц? Не мудрено, что Ершов оставался одиноким в среде людей, так мало понимавших его любимое дело и литературное призвание. Он затосковал, он был недоволен окружающим миром и собою, он годами не писал ничего для печати, а его письма к друзьям за эти годы сплошная жалоба на мир и на себя. А ведь он был молод, он мог работать и создавать новое; но как было работать в этом захолустьи, в этом чужом и угрюмом мире?

Похоронив мать, он почувствовал, что ее могила единственное, — как он писал приятелю, — привязывающее его к Тобольску. А между тем уехать обратно в столицу, в общество сочувствующих и понимающих друзей было очень трудно. В те годы человек, состоящий на службе, был как бы в рабстве: перевестись на новое место было просто невозможно. Дела Ершова были плохи: он был уже женат, и на его плечах было четверо детей. Он работал много для заработка, но выбраться из Тобольска никак не мог. Он искал и здесь подходящего общества, он сблизился с Алябьевым, автором до сих пор распеваемой песни „Соловей“; он сам учился музыке, устраивал гимназистам театр; он изредка посылал в столицу свои стихи, и они появлялись в журналах; иногда ему казалось, что он еще силен, что его будущее впереди. Он обращался к своему „Ивану-Царевичу“. Но дело ни в чем не клеилось. Из „громадной“ поэмы написалось лишь немного стихов, и автор ее чувствовал, что дело плохо. Иногда он пытался уверить друзей, что еще оживет для новой, деятельной жизни, иногда винил в своем падении других и, передавая поклон Плетневу и

„прочим покровителям“, сердито писал: „Со смертью незабвенного Пушкина отношения их переменились; ну, да и лучше. Их расположение было не делом собственного чувства, а только отголоском мнения других. Не великая потеря“. Но он был не прав: никто перед ним не виноват.

Шли годы, шли новые стихотворные опыты, новые попытки перевестись на службу в Петербург: Ершову пришлось похоронить первую жену, затем он женился на второй, а после ее смерти — на третьей; он напечатал несколько незначительных рассказов, ему удалось даже съездить по вызову министра в Петербург, и путешествие произвело на него несколько оживляющее действие. Он обрадовался встрече с друзьями, и громадное впечатление произвел на него в Москве до сих пор невиданный поезд железной дороги — „зрелище, — как он писал домой, — величественное и для непривычных глаз немного страшное“. Но старых друзей не порадовало это свидание: они уже окончательно убедились, что их приятель лишь обманывает себя мыслями о литературных созданиях и что он уже, конечно, никогда не напишет ничего равного и подобного его знаменитой сказке.

Да, она успела стать знаменитой за эти годы — ведь автор ее уже больше двадцати лет просидел бездельно в своем медвежьем углу. Сказку его уже знали в России чуть не все грамотные люди. Постоянно требовались все новые и новые издания ее. В виде балета она была поставлена в театре и это ещё увеличило ее громкую известность. А об авторе ее никто не знал ничего, и когда заходила о нем речь, то даже знавшие его люди спрашивали: „Да жив ли Ершов?“ Жив-то он был, но и в 1865, как и в 1836 году, он все то же писал

приятелю: „Жизнь моя такая вялая и скучная, что одно напоминание об ней избороздит лоб морщинами“. Он был уже в отставке, заботы все больше тяготили его, он уже жаловался, что и письма друзьям ему писать трудно. Естественно, что в этой безысходной тоске надломилась его силы, и он умер в августе 1869 года, прожив сравнительно немного и сделав бесконечно меньше, чем следовало бы. Так печальна была преждевременная смерть хорошего человека, единственная книжка которого веселит и развлекает нас до сих пор — через шестьдесят лет после его смерти.

II

Что же делает ее такой жизненной? Отчего не умирает, не забывается эта непритязательная старинная сказка? Все в ней теперь как будто чужое и во всяком случае далекое. Нет царей почти нигде на земле, и когда Иванушка становится царем, мы радуемся свержению старого насильника и самодура, хотя отлично знаем, что людям не нужны ни такие, ни другие цари. Знаем мы, что нет на свете ни огнем горящей Жар-птицы, ни всемогущей Царь-девицы, знаем, что на коньке в три вершка ростом никак не может ездить верхом взрослый человек, знаем, что сквозь глотку кита не может пройти ни туда, ни назад не только тридцать кораблей, но и небольшая рыба. Знаем и смеемся — как смеялся давно-давно народ, выдумавший эту сказку. Да, все, что в ней рассказано, выдумано не студентом Ершовым, а рассказывалось задолго до него деревенскими сказочниками, взявшими когда-то эту сказку не то из барского терема, не то от чужеземных рассказчиков. В родной сибирской деревне мальчиком услышал Ершов историю про „Конь-

на-Горбунка“ и, передавая ее, даже мало что изменил в ней. Но он рассказал ее по-своему, так, как в народе ее никогда не рассказывали, и от этого нового, звучного рассказа стала новой старая народная сказка и в этом новом наряде стала всем милее, приятнее и ближе.

В деревне не знают сказок в стихах. Там поются песни, сложенные в стихах, — песни рабочие, свадебные, застольные; там старинным напевом сказывают былины — повести о богатырях и войнах. Но деревенский народ верит, что былины — это правда, а сказка — небылица; он говорит: „песня — быль, сказка — складка“; он отличает сказание, которое он считает правдивым, историческим, делом чуть не ученым и всегда серьезным от сказки, где рассказывается о чем-то вымышленном, никогда не бывшем и даже небывалом, рассказывается почти всегда без всяких поучительных целей — так себе, чтобы развлечь, занять, потешить, позабавить. Оттого часто сказка народная и начинается, и кончается, и перемежается шуткой; да и все в ней легко, и не серьезно. Даже и спрашивать нельзя: правда это или неправда, было это или не было? Конечно, не было, чаще всего и не могло быть; это самому глупому, самому непонятливому бывает видно. Но иногда есть здесь и какие-то кусочки правды, мелькает что-то такое, что на свете бывает — и кой-что об этом мы узнаем из сказки. Только если она и рассказывает о серьезном, то рассказывает шутя. Она так привыкла шутить, что ей как будто все равно, хороши ли те люди, за удачами которых она заставляет нас следить с сочувствием. Обманет кто кого в сказке, мы радуемся ловкому обману; украдет где-нибудь заветную драгоценность умелый воришка, мы всей душой с ним; сварил Ванюшка старого царя в котле с кипятком и сам сел на

его место, чтобы стать, может быть, таким же самодуrom и насильником, а нам все по душе: потому что нам смешно, потому что мы знаем, что все это не всамделишное — в роде игры в разбойники, — что все это только сказка.

Вот этот сказочный, легкий, веселый дух великолепно сохранил в своей сказке Ершов. Он не только взял у народа самую историю об Иванушке-дурачке и о Коньке-Горбунке, но он рассказал ее, хоть и в новом наряде, но в старом, исконном народном духе. Много спорили о том, можно ли считать истинно народным такой пересказ народных сказок, и мы не примем участия в этом споре. Просто почитаем „Конька-Горбунка“ и попробуем почитать эту сказку деревенскому человеку. Она не даром кажется нам деревенской, хотя не в деревне сложилась и не только о крестьянском сыне говорит, но и о царях и о боярах; она и деревенскому человеку покажется своей, хотя у него на деревне не совсем так рассказывают сказки. В чем же дело? А именно в том языке, которым рассказал ее Ершов. Правда, это стихи, каких не употребляет деревенский сказочник. Но стихи эти в ходу в деревне: они употребляются в шутках, в прибаутках, в пословицах. Не дает чего парень другому, он говорит: „Этот квас не про вас“; смеясь над поссорившимися, он говорит: „чем этак ругаться, лучше подражаться“; он болтает в шутку: „как у тетушки Василисы дыбом волосы свились“; он поучает старуху: „вот те бабушка наука, замуж не ходи за внука“. Таких словечек множество в простонародной речи, — а ведь можно подумать, что это стихи из „Конька-Горбунка“. На самом же деле наоборот: это автор „Конька-Горбунка“ прислушался к народной складной речи и вслед за ней ее складом и

ладом рассказал деревенскую сказку. Почитайте ее во второй и третий раз, следя за ее языком. Вы уже знаете, о чем в ней рассказывается, чем всё начинается и чем все это кончится. А вот, подумайте не о том, что в ней рассказано, а о том, как рассказано. А рассказано ведь не так, как говорят у нас в городе, рассказано как-то по-особенному. Есть там много слов, в городе неизвестных, пришлось даже, как видите, прибавить к сказке словарик на отдельной страничке, объяснить, что такое „вдругоредь“ и что такое „шабалки“; а в деревне это знают. Есть здесь старинные русские слова, забытые деревней, потому что сказка рассказывает о старинной жизни, о старинном быте, от которого не слишком много осталось в наши дни. Нет у нас судов, где „на правеж“ били должника до тех пор, пока он не отдавал денег займодавцу; может быть, поэтому и в деревне пришлось бы теперь объяснять, что такое тот „правеж“, которым сумасбродный царь грозит неповинному Ивану; нет ни „думных дворян“, ни „спальников“, не из „ендовы“ пьют брагу, а о „фряжском“ вине и говорить нечего: не знает его деревня. Но ведь, и не зная, сохранила она в старой сказке эти старые слова и донесла до нас; даже неизвестные, они жили и живут в ее поэтической речи, и они отлично нашли свое место в рассказе Ершова. Зато нет в нем никаких непонятных, ученых, иностранных слов, нет запутанных трудных фраз; все свое, все просто, все звенящим созвучием в душу вливается — словно сам так хотел сказать, только подсказал кто-то, и надолго запоминается, надолго, — навсегда.

Что ж — и радоваться нечему, — скажет кто-нибудь. Если сказка такая пустая болтовня, только бойкая и складная, то что в ней проку? Так сказать очень легко,

только не очень умно. Нет, прок есть, только его не видно. Пусть сказка только развлечение, но ведь и развлекать людей надо: в развлечении они отдыхают и набираются сил для новой полезной работы. Ведь и от музыки как будто нет пользы, но не даром ею занимаются очень серьезные люди; ведь и от детской игры не видно пользы, а детям надо играть, для детских игр устраивают даже особые комнаты и площадки. И в легкой шутке сказки, в ее невероятной повести о небывалых людях, о невозможных приключениях есть не только отдых, есть и поучение. В отдельности не бывает того, что рассказано в сказке, но в целом бывает; по-иному, но сказочное как-то случается, и то, что казалось людям немыслимой сказкой, становится действительностью. Нет ярко-горящего пера Жар-птицы, но ведь ярким светом заливают окружающий мир электричество; нет полетов на Коньке-Горбунке, но ведь еще более верной службой служит нам аэроплан, с той же неправдоподобной сказочной быстротой перенося людей по воздуху; нет крестьянского сына Иванушки, севшего на место царя, но ведь и в самом деле нет у нас царя, а сэм народ правит государством. Что-то такое сказка предвидела, что-то такое предчувствовала, на что-то надеялась, только рассказала о своих надеждах не по-ученому, а по-простому, не как книжное предсказание, а как шутливое пожелание: и веря себе и не веря. И разве только сказка, с виду безумно, а по существу разумно, мечтает о необычном?

Сидя в Сибири, отрезанный от живого общества тысячами верст и жалуясь на то, что никакое письмо не может заменить устной беседы, писал Ершов далеким друзьям: „То ли дело разговор! Может быть, изобрета-

тельный ум придумает какой-нибудь далекослышный рупор, и тогда я буду день и ночь разговаривать с вами". Мы знаем, что эта сказочная, эта невероятная мечта сбылась, — только „далекослышный рупор" называется телефоном. Так вот, не только в невозможных мечтах, но и в вере в их возможное осуществление оказался близким народной сказке Ершов. Не даром учителем его был Пушкин, не даром прочитал он еще в „Золотом Петушке":

Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок!

Оттого он так хорошо рассказал сказку, что он верил в нее, верил в ее нужность, верил в то, что за ее легкой пустяковиной кроется подчас глубокая правда. Сразу эта правда не открывается, а проживешь, подумаешь, вспомнишь смешной стишок из „Конька-Горбунка" — и вдруг поймешь.

А. Горнфельд.

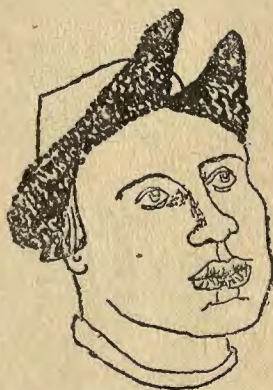
ЧАСТЬ I

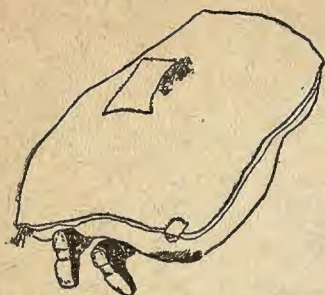
„Начинается сказка сказываться“

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба на земле,
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын — и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу,
Знать, столица та была
Недалече от села;
Там пшеницу продавали,
Деньги счетом принимали
И, с набитою сумой,
Возвращались домой.

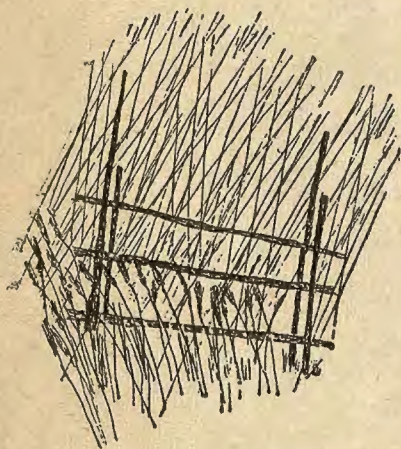
В долгом времени, аль вскоре
Приключилось им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.

Мужички такой печали
Отродясь не видали:
Стали думать, да гадать, —
Как бы вора соглядать.
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.

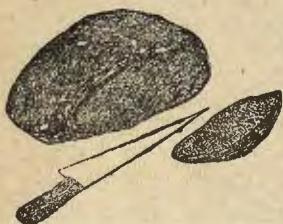
Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат собираться,
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала;
На него боязнь напала,
И со страхом наш мужик
Завалился на сеник.
Ночь проходит, день приходит;
С сеника дозорный сходит;
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
„Эй вы, сонные тетери!
„Отпирайте брату двери.
„Под дождем я весь промок
„С головы до самых ног“.
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его —
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился,

И, прокашлявшись, сказал:
„Всю я ноченьку не спал;
„На мое ж притом несчастье
„Было страшное ненастье:
„Дождь вот так ливня и лил,
„До костей меня смочил.
„Уж куда как было скучно!
„Впрочем, все благополучно“.
Похвалил его отец:
„Ну, Данило, молодец!
„Ты, вот так сказать примерно,
„Сослужил мне службу верно,
„То есть, будучи при всем,
„Не ударил в грязь лицом“.

Стало сызнова смеркаться,
Средний брат пошел собирать,
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали стучать...
Он ударился бежать,
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро. Он к крыльцу:
„Эй, вы, сони, что вы спите!
„Брату двери отогрейте:
„Ночью страшный был мороз;
„До костей я весь промерз“.

Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его,
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился,
И сквозь зубы отвечал:
„Всю я ноченьку не спал;
„Да к моей судьбе несчастной,
„Ночью холод был ужасный;
„До костей меня пробрал, —
„Всю я ночь продрожал,
„Слишком было несподручно...
„Впрочем все благополучно“.
И ему сказал отец:
„Ты, Гаврило, молодец“.

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собираться;
Он и усом не ведет,
На печи в углу поет
Из всей дурацкой мочи:
„Распрекрасные вы очи!“
Братья ну ему пенять,
Стали в поле погонять;
Но сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли:
Он ни с места. Наконец,
Подошел к нему отец,
Говорит ему: „Послушай,
„Ты поди в дозор, Ванюша;

„Я куплю тебе обнов,
„Дам гороху и бобов“.
Тут Иван с печи слезает,
Малахай свой надевает,
Хлеб за пазуху кладет,
Караул держать идет.

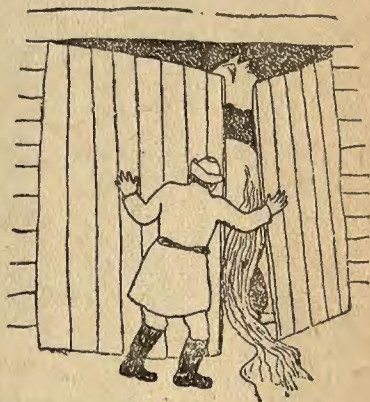
Ночь настала; месяц всходит.
Поле все Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом;
Звезды на небе считает.
Да краюшку уплетает.
Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу,
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива словно золотая,
В мелки кольца завитая.
„Эге-ге! так вот какой
„Наш воришка!.. Но, постой,
„Я шутить ведь не умею,
„Разом сяду те на шею.
„Вишь какая саранча!“
И, минуто улуча,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И прыгнул ей на хребет,
Только задом наперед!

Кобылица молодая,
Очьми бешено сверкая,
Змеем голову свила,
И пустилась как стрела;
Вьется кругом над полями,
Виснет пластью надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам;
Хочет силой, аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном;
Но Иван и сам не прост:
Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
„Ну, Иван (ему сказала),
„Коль умел ты усидеть,
„Так тебе и мной владеть.
„Дай мне место для покою,
„Да ухаживай за мною,
„Сколько смыслишь. Да смотри
„По три утренни зари
„Выпускай меня на волю
„Погулять по чисту полю;
„По исходе же трех дней
„Двух рожу тебе коней,
„Да таких, каких поныне
„Не бывало и в помине;
„Да еще рожу Конька,
„Ростом только в три вершка,
„На спине с двумя горбами,
„Да с аршинными ушами.

„Двух коней, коль хошь, продай,
„Но конька не отдавай
„Ни за пояс, ни за шапку,
„Ни за черную, слышь, бабку.
„На земле и под землей
„Он товарищ будет твой;
„Он зимой тебя согреет,
„Летом холодом обвеет,
„В голод хлебом угостит,
„В жажду медом напоит.
„Я же снова выйду в поле
„Силы пробовать на воле“.

„Ладно“! думает Иван
И в пастуший балаган
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает
И, лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню:
„Ходил молодец на Пресню“.
Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватается за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится
Так, что кровля шевелится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок повскакали,
Заикаясь вскричали:
„Кто стучится сильно так?“
— „Это я, Иван-дурак!“

Братья двери отворили,
Дурака в избу пустили,
И давай его ругать,
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведет оттуда речь,
Про ночное похождение,
Всем ушам на удивление:
„Всю я ноченьку не спал,
„Звезды на небе считал;
„Месяц ровно тоже светил —
„Я порядком не приметил.
„Вдруг приходит дьявол сам,
„С бороною и с усам;
„Рожа словно как у кошки; —
„А глаза-то что те плоски;
„Вот и стал тот чорт скакать
„И зерно хвостом сбивать;
„Я шутить ведь не умею,
„И вскочи ему на шею.
„Уж таскал же он, таскал,
„Чуть башки мне не сломал!
„Но и я, ведь, сам не промах:
„Все держал его, как в жомах.
„Бился, бился мой хитрец,
„И взмолился наконец:
— „Не губи меня со света!
„Целый год тебе за это
„Обещаю мирно жить,
„Православных не мутить“.—

„Я, слышь, слов то не померил,
„Да чертенку и поверил“.
Здесь рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал;
Братья сколько ни серчали,
Не могли, — захохотали,
Ухватившись под бока,
Над рассказом дурака;
Сам старик не мог сдержаться,
Чтоб до слез не посмеяться.
Хоть смеяться так оно
Старикам уж и грешно.

Много ль времени, аль мало,
С этой ночи пробежало, —
Я про это ничего
Не слыхал ни от кого.
Да и что же нам за дело.
Год ли, два ли пролетело?..
Ведь за ними не бежать! —
Станем сказку продолжать.

Ну-с, так вот что: раз Данило
(В праздник, помнится, то было),
Натянувшись зельно пьян,
Затащился в балаган.
Что ж он видит? Прекрасивых
Двух коней золотогривых,
Да игрушечку — Конька,
Ростом только в три вершка,

На спине с двумя горбами,
Да с аршинными ушами.
„Хм, теперь-то я узнал,
„Для чего здесь дурень спал“,
Говорит себе Данило...
Чудо разом хмель посбило.
Вот Данило в дом бежит
И Гавриле говорит:
„Посмотри, каких красивых
„Двух коней золотогривых
„Наш дурак себе достал!
„Ты и слыхом не слыхал“
И Данило да Гаврило,
Что в ногах их мочи было,
По крапиве, прямоком,
Так и дуют босиком.

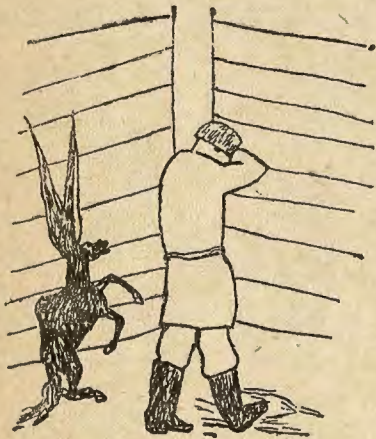

Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.
Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом горели;
В мелки кольца завитой,
Хвост струился золотой
И алмазные копыта
Крупным жемчугом обиты...
Любо-дорого смотреть!
Лишь царю б на них сидеть.
Братья так на них смотрели,
Что чуть-чуть не окривели.

„Где он это их достал?
(Старший среднему сказал).
„Но давно уж речь ведется,
„Что лишь дурням клад дается,
„Ты ж хоть лоб себе разбей,
„Так не выбьешь двух рублей.
„Ну, Гаврило, в ту седмицу
„Отведем-ка их в столицу:
„Там боярам продадим,
„Деньги ровно поделим;
„А с деньжонками, сам знаешь,
„И попьешь, и погуляешь,
„Только хлопни по мешку.
„А благому дураку
„Не достанет ведь догадки,
„Где стоят его лошадки.
„Пусть их ищет там и сям...
„Ну, приятель, по рукам!“
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились,
И вернулись домой,
Говоря между собой
Про коней и про пирушку
И про чудную зверушку.

Время катит чередом,
Час за часом, день за днем,
И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
Чтоб товар там свой продать
И на пристани узнать,

Не пришли ли с кораблями
Немцы в город за холстами,
И нейдет ли царь Салтан
Басурманить христиан?
Вот иконам помолились,
У отца благословились,
Взяли двух коней тайком
И отправились тишком.

Вечер к ночи пробирался,
На ночлег Иван сбирался;
Вдоль по улице идет,
Ест краюшку да поет.
Вот он поля достигает,
Руки в боки подpiraет.
И с прискочкой, словно пан,
Боком входит в балаган.

Все попрежнему стояло,
Но коней как не бывало;
Лишь игрушка — Горбунок
У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами,
Да приплясывал ногами,
Как завоюет тут Иван,
Опершись о балаган:
„Ой, вы, кони буры-сивы,
„Добры кони златогривы!
„Я ль вас, други, не ласкал!..
„Да какой вас чорт украл?

„Чтоб пропасть ему собаче!
„Чтоб издохнуть в буераке!
„Чтоб ему на том свету
„Провалиться на мосту.
„Ой, вы, кони буры-сивы,
„Добры кони златогривы!“

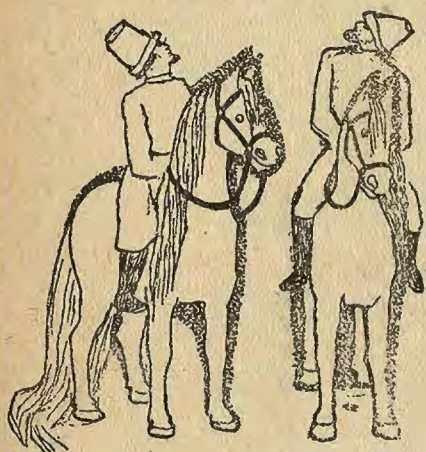
Тут Конек ему заржал:
„Не тужи, Иван“, сказал,
„Велика беда — не спорю;
„Но могу помочь я горю.
„Ты на чорта не клепли,
„Братья коников свели.
„Ну, да что болтать пустое!
„Будь, Иванушка, в покое,
„На меня скорей садись,
„Только знай себе держись!
„Я хоть роста небольшого,
„Да сменю коня другого;
„Как пущусь, да побегу,
„Так и беса настигу“.

Вот Конек пред ним ложится,
На Конька Иван садится,
Уши в-загребби берет,
Что есть мочушки ревет.
Горбунок-Конек встряхнулся,
Встал на ноги, стрепенулся,
Вскинул гривкой, захрапел
И стрелою полетел.

Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами,
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.

Братья, видимо, смешались,
Не на шутку испугались;
А Иван им стал кричать:
„Стыдно, братья, воровать!
„Хоть Ивана вы умнее,
„Да Иван-то вас честнее:
„Он у вас коней не крал“.
Старший брат тогда сказал:
„Дорогой ты наш Иваша!
„Что переться, дело наше;
„Но возьми же ты в расчет
„Некорыстный наш живот:
„Сколь пшеницы мы ни сеем,
„Чуть насущный хлеб имеем;
„До оброков ли нам тут,
„А исправники дерут!
„Вот в такой большой печали
„Мы с Гаврилой толковали
„Всю намеднишнюю ночь —
„Чем бы горюшку помочь?
„Так и этак мы судили,
„Наконец вот так решили,
„Чтоб продать твоих коньков
„Хоть за тысячу рублей;
„А в спасибо, молвить к слову,
„Привезти тебе обнову —

„Красну шапку с позвонком,
„Да сапожки с каблучком.
„Да к тому ж старик неможет,
„Работать уже не сможет;
„А ведь надо ж мыкать век...
„Сам ты умный человек!“—
„Ну, коль этак, так ступайте“,
Говорит Иван, „продайте
„Златогривых два коня...
„Да возьмите ж и меня!“
Братья больно покосились,
Да — нельзя же! — согласились.

Стало на небе темнеть,
Воздух начал холодеть,
Вот чтоб им не заблудиться,
Решено остановиться.
Под навесами ветвей
Привязали всех коней,
Принесли с съестным лукошко,
Опохмелились немножко
И пошли, что боже даст,
Кто во что из них горазд.

Вот Данило вдруг приметил,
Что огонь вдали засветил,
На Гаврилу он взглянул,
Левым глазом подмигнул,
И прикашлянул легонько,
Указав огонь тихонько.
Тот в затылке почесал,

„Эх, как темно!“ он сказал,
„Хоть бы месяц, этак, в шутку,
„К нам проглянул на минутку,
„Все бы легче. А теперь!..
„Прямо хуже мы тетерь!
„Да постой-ка... мне сдается,
„Что дымок там светлый вьется,
„Видишь, эвон!.. так и есть!..
„Вот бы курево развесть.
„Чудо было б!.. Эй, послушай,
„Побегай-ка, брат Ванюша!
„Коль признаться, у меня —
„Ни огнива, ни кремня“.
Сам же думает Данило:
„Чтоб тебя там задавило“.
А Гаврило говорит:
„Кто там знает, что горит.
„Коль станичники пристали,
„Поминай его как звали!“

★ ★ ★

Все пустяк для дурака!
Он садится на Конька.
Бьет в круты бока ногами,
Теребит его руками.
Изо всех горланит сил...
Конь взвился и — след простыл.
„Буди с нами крестна сила!“
(Закричал тогда Гаврило,
Оградясь крестом святым).
„Что за бес такой под ним!“

★ ★ ★

Огонек горит светлее,
Горбунок бежит скорее,
Вот уж он перед огнем,
Светит поле словно днем;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится.
Диву дался тут Иван,
„Что“, сказал он, „за шайтан!
„Шапок с пять найдется свету,
„А тепла и дыму нету:
„Эко чудо огонек!“
Говорит ему Конек:
„Вот нашел чему дивиться!
„Тут лежит перо Жар-птицы.
„Но для счастья своего
„Не бери себе его.
„Много, много непокою
„Принесет оно с собою“.
— „Говори ты! как не так!“
Про себя ворчит дурак.
И, подняв перо Жар-птицы,
Завернул его в тряпицы,
Тряпки в шапку положил
И Конька поворотил.
Вот он к братьям приезжает
И на спрос их отвечает:
„Как туда я доскакал,
„Пень горелый увидал;
„Уж над ним я бился, бился,
„Так что чуть не надсадился;
„Раздувал его я с час,
„Нет, ведь, чорт возьми, угас“.

Братья целу ночь не спали,
Над Иваном хохотали.
А Иван под воз присел,
Вплоть до утра прохрапел.

Тут коней они впрягали,
И в столицу приезжали,
Становились в конный ряд,
Супротив больших палат.

В той столице был обычай:
Коль не скажет городничий —
„Ничего не покупать“,
Ничего не продавать.
Вот обедня наступает,
Городничий выезжает
В туфлях, в шапке меховой,
С сотней стражи городской,
Рядом едет с ним глашатай,
Длинноусый, бородатый;
Он в злату трубу трубит,
Громким голосом кричит:
„Гости! лавки отпирайте,
„Покупайте, продавайте;
„А надсмотрщикам сидеть
„Подле лавок и смотреть,
„Чтобы не было содома,
„Ни давежа, ни погрома,
„Чтоб какой-нибудь урод

„Не обманывал народ!“
Гости лавки отпирают,
Люд крещеный закликают:
„Эй, честные господа,
„К нам пожалуйста сюда!
„Как у нас ли тары-бары,
„Всяки разные товары!“
Покупальщики идут,
У гостей товар берут:
Гости денежки считают,
Да надсмотрщикам мигают.

Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд;
Смотрит — давка от народа,
Нет ни выхода, ни входа;
Так кишмя вот и кишат,
И смеются, и кричат.
Городничий удивился,
Что народ развеселился,
И приказ отряду дал,
Чтоб дорогу прочищал.
„Эй! вы, черти босоноги,
„Прочь с дороги! прочь с дороги!“
Закричали усачи
И ударили в бичи.
Тут народ зашевелился,
Шапки снял и расступился.

Пред глазами конный ряд;
Два коня в ряду стоят,

Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой
Хвост струится золотой!..
Наш старик, сколь ни был пылок,
Долго тер себе затылок.
„Чуден, молвил, божий свет!
„Уж каких чудес в нем нет!“
Весь отряд тут поклонился,
Мудрой речи подивился.
Городничий, между тем,
Наказал престрого всем,
Чтоб коней не покупали,
Не зевали, не кричали,
Что он едет ко двору
Доложить о всем царю.
И, оставив часть отряда,
Он поехал для доклада.

Приезжает во дворец...
„Ты помилуй, царь-отец!“
Городничий восклицает
И всем телом упадает:
„Не вели меня казнить,
„Прикажи мне говорить!“
Царь изволил молвить: „Ладно,
„Говори, да только складно“.
— „Как умею, расскажу:
„Городничим я служу;
„Верой-правдой исправляю
„Эту должность“... „Знаю, знаю!“

— „Вот сегодня, взяв отряд,
„Я поехал в конный ряд.
„Приезжаю — тьма народа!
„Ну, ни выхода, ни входа.
„Что тут делать?.. Приказал
„Гнать народ, чтоб не мешал.
„Так и случилось, царь-надёжа,
„Дальше двинулся, — и что же?..
„Передо мною конный ряд;
„Два коня в ряду стоят,
„Молодые, вороные,
„Вьются гривы золотые,
„В мелки кольца завитой
„Хвост струится золотой,
„И алмазные копыта
„Крупным жемчугом обиты“.

Царь не мог тут усидеть.
„Надо коней поглядеть“,
Говорит он: „Да не худо
„И завести такое чудо!
„Гей, повозку мне!“ — И вот
Уж повозка у ворот;
Царь умылся, нарядился
И на рынок покатился.
За царем стрельцов отряд.

Вот он въехал в конный ряд.
На колени все тут пали
И „ура“ царю кричали.

Царь раскланялся и вмиг
Молодцом с повозки — прыг...
Глаз своих с коней не сводит,
Справа, слева к ним заходит,
Словом ласковым зовет,
По спине их тихо бьет,
Треплет шею их крутую,
Гладит гриву золотую
И, довольно насмотрясь,
Он спросил, оборотясь
К окружавшим: „Эй, рябят!
„Чьи такие жеребята?
„Кто хозяин?“ Тут Иван,
Руки в боки, словно пан,
Из-за братьев выступает
И, надувшись, отвечает:
„Это пара, царь, моя,
„И хозяин — тоже я“.
— „Ну, я пару покупаю;
„Продаешь ты?“ — „Нет, меняю“.
— „Что в промен берешь добра?“
— „Два-пять шапок серебра“.
— „То есть, это будет десять?“
Царь тотчас велел отвесить,
И, по милости своей,
Дал в прибавок пять рублей...
Царь-то был великодушный!

Повели коней в конюшни
Десять конюхов седых,
Все в нашивках золотых,

Все с цветными кушаками,
И с сафьянными бичами.
Но дорогой, как на смех,
Кони с ног их сбили всех,
Все уздечки разорвали
И к Ивану прибежали.

Царь отправился назад.
Говорит ему: „Ну, брат,
„Пара нашим не дается;
„Делать нечего, придется
„Во дворце тебе служить,
„Будешь в золоте ходить,
„В красно платье наряжаться,
„Словно в масле сыр кататься,
„И конюшню всю мою
„Я в приказ тебе даю.
„Царско слово в том порука.
„Что, согласен?“ — „Эка штука?
„Во дворце я буду жить,
„Буду в золоте ходить,
„В красно платье наряжаться,
„Словно в масле сыр кататься,
„Весь конюшенный завод
„Царь в приказ мне отдает,
„То есть, я из огорода
„Стану царский воевода.
„Чудно дело! так и быть,
„Стану, царь, тебе служить.
„Только чур, со мной не драться
„И давать мне высыпаться.

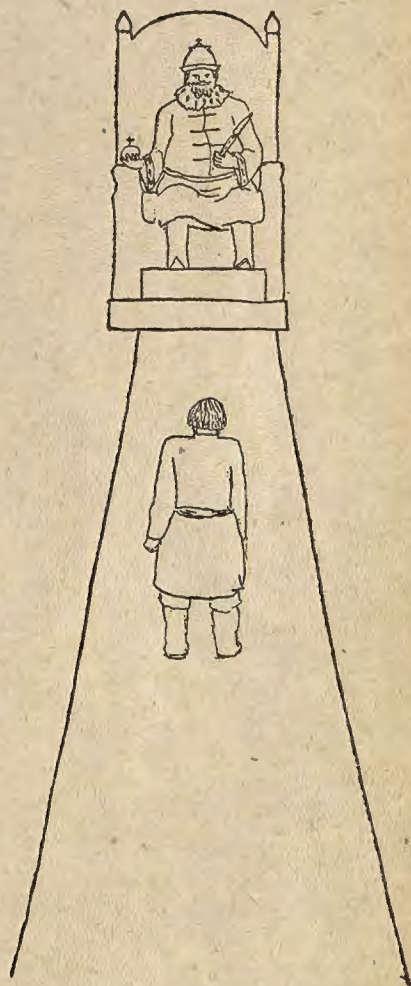
„А не то — я был таков!“

Тут он кликнул скакунов
И пошел вдоль по столице,
Сам махая рукавицей,
И, под песню дурака,
Кони пляшут трепака;
А конек его — Горбатко
Так и ломится в присядку,
К удивленью людям всем.

Два же брата, между тем,
Деньги царски получили,
В пояски их позашили,
Постучали ендовой
И отправились домой.
Дома дружно поделились:
Оба в раз они женились,
Стали жить, да поживать,
Да Ивана поминать.

Но теперь мы их оставим,
Снова сказкой позабавим
Православных христиан,
Что наделал наш Иван,
Находясь на службе царской,
При конюшне государской.
Как в суседки он попал,
Как перо свое проспал,

Как хитро поймал Жар-птицу,
Как похитил Царь-девицу,
Как он ездил за кольцом,
Как был на небе послом,
Как он в солнцевом селеньи
Киту выпросил прощенье;
Как, в числе других затей,
Спас он тридцать кораблей;
Как в котлах он не сварился,
Как красавцем учинился...
Словом, наша речь о том,
Как он сделался царем.

ЧАСТЬ II

„Скоро сказка сказывается,
А не скоро дело делается“.

Зачинается рассказ
От Ивановых проказ
И от сивка, и от бурка,
И от вещего коурка:
Козы на море ушли,
Горы лесом поросли,
Конь с золотой узды сорвался,
Прямо к солнцу поднимался;
Лес стоячий под ногой.
Сбоку облак громовой,
Ходит облак и сверкает,
Гром по небу рассыпает...
Это присказка. Пожди,
Сказка будет впереди.
Как на море-Окияне
И на острове Буяне
Новый гроб в лесу стоит,
В гробе девица лежит;
Соловей над гробом свищет,
Черный зверь в дубраве рыщет...
Это присказка, а вот—
Сказка чередом пойдет.

★ ★ ★

Ну, так видите ль, миряне,
Православны христиане:
Наш удалый молодец
Затесался во дворец,
При конюшне царской служит
И нисколько не потужит
Он о братьях, об отце
В государевом дворце.
Да и что ему до братьев?
У Ивана красных платьев,
Красных шапок, сапогов,
Чуть не десять коробов;
Ест он сладко, спит он столько,
Что раздолье, да и только!

Вот неделей через пять
Начал спальник примечать...
Надо молвить, этот спальник
До Ивана был начальник
Над конюшней надо всей —
Из боярских слыл детей;
Так не диво, что он злился
На Ивана и божился,
Хоть пропасть, а пришлеца
Вон потурить из дворца.
Но, лукавство сокрывая,
Он, для всякого случая,
Притворился, плут, глухим,
Близоруким и немым.
Сам же думает: „Постой-ка;
„Я те двину, неумойка!“

Так неделей через пять
Спальник начал примечать,
Что Иван коней не холит,
И не чистит и не школит;
Но при всем том два коня
Словно лишь из-под гребня,
Чисто-на-чисто обмыты,
Гривы в косы перевиты,
Чолки собраны в пучок,
Шерсть — ну, лоснится как шелк!
В стойлах — свежая пшеница,
Словно тут же и родится,
И в чанах больших сыта
Будто только налита.
„Что за притча тут такая?“
Спальник думает, вздыхая:
„Уж не ходит ли, постой,
„К нам проказник домовой?
„Дай-на я подкараулю.
„А не то, так я и пулю,
„Не смигнув, умею слить,
„Лишь бы дурня уходить;
„Донесу я в думе царской,
„Что конюший государский
„Басурманин, ворожей,
„Чернокнижник и злодей.
„Что он с бесом хлеб-соль водит,
„В церковь божью не ходит,
„Иноверный носит крест
„И постами мясо ест“.

В тот же вечер этот спальник,
Прежних конюших начальник,
В стойла спрятался тайком
И обсыпался овсом.

Вот и полночь наступила,
У него в груди заныло:
Он ни жив, ни мертв лежит,
Сам молитвы все творит,
Ждет суседка... Чу! в сам деле
Двери тихо заскрипели;
Кони топнули, и вот
Входит новый коновод,
Дверь задвижкой запирает,
Шапку бережно скидает,
На окно ее кладет.
А из шапки той берет
В три завернуты тряпицы
Царский клад — перо Жар-птицы.
Свет такой тут заблистал,
Что чуть спальник не вскричал
И от страху так забился,
Что овес с него свалился,
Но суседку не в домек!
Он кладет его в сусек;
Чистить коней начинает,
Умывает, убирает.
Гривы длинные плетет,
Разны песенки поет.
А меж тем, свернувшись клубом,
Поколачивая зубом,

Смотрит спальник, чуть живой,
Что тут деет домовой.
Что за бес! нечто нарочно
Прирядился плут полночный,
Нет рогов, ни бороды,
Ражий парень, хоть куды!
Волос гладкий, с боку ленты,
На рубашке позументы,
Сапоги, как ал сафьян,
Ну, точнехонько Иван.
Что за диво? смотрит снова
Наш глазей на домового...
„Э! так вот что!“ наконец
Проворчал себе хитрец:
„Ладно, завтра ж царь узнает,
„Что твой глупый ум скрывает:
„Подожди лишь только дня,
„Будешь помнить ты меня!“
А Иван, совсем не зная,
Что ему беда такая
Угрожает, все плетет
Гривы в косы да поет!
А убрав их, в оба чана
Нацедил сыты медвяной,
И насыпал до-полна
Белоярого пшена.
Тут, зевнув, перо Жар-птицы
Завернул опять в тряпицы,
Шапку под ухо, и лег
У коней близ задних ног.

Только стало лишь зориться,
Спальник начал шевелиться
И, услыша, что Иван
Так храпит, как Еруслан,
Он тихохонько слезает
И к Ивану подползает,
Пальцы в шапку запустил,
Хватъ перо — и след простыл.

Царь лишь только пробудился,
Спальник наш к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
„Я с повинной головою,
„Царь, явился пред тобою,
„Не вели меня казнить,
„Прикажи мне говорить“.
— „Говори не прибавляя“,
Царь сказал ему, зевая,
„Если ж ты да будешь врать,
„То кнута не миновать“.
Спальник наш, собравшись
с силой,
Говорит царю: „Помилуй!
„Вот-те истинный Христос,
„Справедлив мой, царь, донос:
„Наш Иван, то всякий знает,
„От тебя, отец, скрывает,
„Но не злато, не серебро, —
„Жаро-птицево перо“...
— „Жаро-птицево?... Проклятый!

„И он смел — такой богатый...
„Погоди же ты, злодей!
„Не минуешь ты плетей!..“
— „Да и то ль еще он знает!“
Спальник тихо продолжает,
Изогнувшись: „Добро!
„Пусть имел бы он перо;
„Да и самую Жар-птицу,
„Во твою, отец, светлицу,
„Коль приказ изволишь дать,
„Похвалается достать“.
И доносчик с этим словом,
Скрючась обручем таловым,
Ко кровати подошел,
Подал клад — и снова в пол.

Царь смотрел и дивовался,
Гладил бороду, смеялся,
И скусил пера конец;
Тут, уклад его в ларец,
Закричал (от нетерпенья),
Подтвердив свое веленье
Быстрым взмахом кулака:
„Гей! позвать мне дурака!“

И посыльные дворяна
Побежали до Ивана;
Но, столкнувшись все в углу,
Растянулись на полу.
Царь тем много любовался

И до колотья смеялся.
А дворяна, усмотря,
Что смешно то для царя,
Меж собой перемигнулись,
И в другорядь растянулись,
Царь тем так доволен был,
Что их шапкой наградил.
Тут посыльные дворяна
Вновь пустились звать Ивана;
Но уже на этот раз
Обошлись без проказ.

Вот к конюшне прибегают,
Двери настежь отворяют,
И ногами дурака
Ну толкать во все бока,
С полчаса над ним возились,
Но его не добудились.
Наконец уж рядовой
Разбудил его метлой.

„Что за челядь тут такая?“ —
Говорит Иван, вставая:
„Как хвачу я вас бичом,
„Так не станете потом
„Без пути будить Ивана“.
Говорят ему дворяна:
„Царь изволил приказать
„Нам тебя к нему позвать“.
— „Царь?.. Ну ладно! Вот сряжуся

„И тотчас к нему явлюся“,
 Говорит послам Иван.
 Тут надел он свой кафтан,
 Опояской подвязался,
 Приумылся, причесался,
 Кнут свой сбоку прицепил,
 Словно утица поплыл.

Вот Иван к царю явился,
 Поклонился, подбодрился,
 Крякнул дважды и спросил:
 „А пошто меня будил?“
 Царь, прищурясь глазом левым,
 Закричал ему со гневом,
 Приподнявшись: „Молчать!
 „Ты мне должен отвечать,
 „В силу коего указа
 „Скрыл от нашего ты глаза
 „Наше царское добро —
 „Жаро-птицево перо?
 „Что я — царь али боярин?
 „Отвечай сейчас, татарин!“
 А Иван, махнув рукой,
 Говорит царю: „Постой!
 „Я те шапки, ровно, не дал,
 „Как же ты о том проведал?
 „Разве ты какой пророк?
 „Ну да что, сади в острог,
 „Прикажи сейчас хоть в палки,
 „Нет пера, да и шabalки!“ —
 — „Отвечай же! запорю!“

— „Я те толком говорю:
„Нет пера! Да, слышь, откуда
„Мне достать такое чудо?“
Царь с кровати соскочил
И ларец с пером открыл.
„Что? ты смел еще переться!“
„Да уж нет, не отвертеться.
„Это что? А?“—Тут Иван,
Задрожав, как лист в буран,
Шапку выронил с испуга.
„Что, приятель, видно туго?“
Молвил царь: „Постой-на, брат!..“
— „Ох, помилуй, виноват!
„Отпусти вину Ивану,
„Я вперед уж врать не стану“.
И, закутавшись в полу,
Растянулся на полу.
— „Ну для первого случаю,
„Я вину тебе прощаю“—
Царь Ивану говорит:
„Я, помилуй бог, сердит!
„И с сердцов иной порою
„Чуб сниму и с головою.
„Так, вот, видишь, я каков!
„Но — сказать без дальних слов —
„Я узнал, что ты Жар-птицу
„В нашу царскую светлицу
„Похваляешься достать.
„Ну, смотри ж, не отпирайся,
„И достать ее старайся“.
Тут Иван волчком вскочил.
— „Я того не говорил!“

Отвечал он, озираясь,
„О пере не запираюсь,
„Но о птице, как ты хошь,
„Ты напраслину ведешь“.
Царь, затрясши бородою, —
„Что?.. рядиться мне с тобою?“
Закричал во след: „Смотри,
„Если ты недели в три
„Не достанешь мне Жар-птицу
„В нашу царскую светлицу,
„То — клянуся бородой —
„Ты расплатишься со мной:
„На правеж... в решетку... на
кол!..

„Вон, холоп!“ Иван заплакал
И пошел на сеновал,
Где Конек его лежал.

Горбунок, его почуя,
Дрягнул было плясовую;
Но, как слезы увидал,
Сам чуть-чуть не зарыдал.
„Что, Иванушка, не весел,
„Что головушку повесил?“
Говорит ему Конек,
У его вертятся ног:
„Не утайся пред мною,
„Все скажи, что за душою.
„Я помочь тебе готов.
„Аль, мой милый, нездоров?
„Аль попался к лиходею?“

Пал Иван Коньку на шею,
Обнимал и целовал.
„Ох, беда, Конек!“, сказал —
„Царь велит достать Жар-птицу
„В государственную светлицу.
„Что мне делать, Горбунок?
Говорит ему Конек:
„Велика беда, не спорю;
„Но могу помочь я горю.
„От того беда твоя,
„Что не слушался меня:
„Помнишь, ехав в град столицу,
„Ты нашел перо Жар-птицы;
„Я сказал тебе тогда:
„Не бери, Иван — беда!
„Много, много непокою
„Принесет оно с собою.
„Вот теперь ты узнал —
„Правду ль я тебе сказал.
„Но — сказать тебе по дружбе —
„Это службишка — не служба;
„Служба вся, брат, впереди.
„Ты к царю теперь поди
„И скажи ему открыто:
„Надо, царь, мне два корыта
„Белоярого пшена,
„Да заморского вина;
„Да вели поторопиться,
„Завтра, только зазорится,
„Мы отправимся в поход“.

Вот Иван к царю идет,
Говорит ему открыто:
„Надо, царь, мне два корыта
„Белоярого пшена,
„Да заморского вина.
„Да вели поторопиться:
„Завтра, только зазорится,
„Мы отправимся в поход“.
Царь тотчас приказ дает,
Чтоб посыльные дворяна
Все сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал,
И „счастливый путь!“ сказал.

На другой день, утром рано
Разбудил Конек Ивана:
„Гей, хозяин! полно спать,
„Время дело исправлять!“
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял корыта, и пшено,
И заморское вино;
Потеплее приоделся,
На Коньке своем уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток —
Доставать тоё Жар-птицу.

Едут целую седмицу;
Напоследок в день осьмой

Приезжают в лес густой.
Тут сказал Конек Ивану:
„Ты увидишь здесь поляну;
„На поляне той гора
„Вся из чистого серебра;
„Вот сюда-то до зарницы
„Прилетают Жары-птицы
„Из ручья воды испить,
„Тут и будем их ловить“.
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает на поляну.
Что за поле! зелень тут,
Словно камень-изумруд,
Ветерок над нею веет,
Так вот искорки и сеет,
А по зелени цветы
Несказанной красоты.
А на той ли на поляне,
Словно вал на Окияне,
Возвыщалася гора,
Вся из чистого серебра.
Солнце летними лучами
Красит всю ее зарями,
В сгибах золотом бежит,
На верхах свечой горит.

Вот конек по кособору
Поднялся на эту гору,
Сажень триста пробежал,
Устоялся и сказал:
„Скоро ночь, Иван, начнется

„И тебе стеречь придется.
„Ну, в корыто лей вино
„И с вином мешай пшено.
„А чтоб быть тебе закрыту,
„Ты под то подлезь корыто,
„Втихомолку примечай;
„Да смотри же не зевай.
„До восхода, слышь, зарницы
„Прилетят сюда Жар-птицы
„И начнут пшено клевать
„Да по-своему кричать.
„Ту, которая поближе,
„Вдруг схвати за хвост; смотри же!
„А поймашь птицу-Жар,
„И кричи на весь базар;
„Я тотчас к тебе явлюсь“.
— „Ну, а если обожгуся?“
Говорит Коньку Иван, —
Расстилая свой кафтан.
„Рукавички взять придется;
„Чай плутовка больно жжется“.
Тут Конек из глаз исчез,
А Иван, кряхтя, подлез
Под дубовое корыто,
И лежит там как убитый.

Вот полночною порой
Свет разлился над горой, —
Будто полдни наступают;
Жары-птицы налетают;
Стали бегать и кричать,

И пшено с вином клевать,
Наш Иван, от них закрытый,
Смотрит птиц из-под корыта,
И толкует сам с собой,
Разводя вот так рукой:
„Тьфу ты, дьявольская сила!
„Эк их, дряни, привалило;
„Чай их тут десятков с пять.
„Кабы всех переимать,
„То-то было бы поживы!
„Неча молвить, страх красивы:
„Ножки красные у всех,
„А хвосты-то — сущий смех!
„Чай, таких у куриц нету,
„А уж сколько, парень, свету,
„Словно батюшкина печь!“
И, скончав такую речь
Сам с собою, под лазейкой,
Наш Иван ужом да змейкой
Ко пшену с вином подполз —
Хвать одну из птиц за хвост.
„Ой! Конечек-Горбуночек!
„Прибегай скорей, дружочек!
„Я ведь птицу-то поймал“.
Так Иван-дурак кричал.
Горбунок тотчас явился.
„Ай, хозяин, отличился!“
Говорит ему Конек:
„Ну, скорей ее в мешок!
„Да завязывай туже;
„А мешок повесь на шею,
„Надо нам в обратный путь“.

— „Нет, дай птиц-то мне пугнуть!“
Говорит Иван: „Смотри-ка,
Вишь, надселися от крика!“
И, схвативши свой мешок,
Хлещет вдоль и поперек.
Ярким пламенем сверкая,
Встрепенулася вся стая,
Кругом огненным свилась
И за тучи понеслась.
А Иван наш вслед за ними
Рукавицами своими
Так и машет и кричит,
Словно щелоком облит.
Птицы в тучах потерялись,
Наши путники собрались,
Уложили царский клад
И вернулись назад.

• ★ ★ ★

Вот приехали в столицу.
„Что достал ли ты Жар-птицу?“
Царь Ивану говорит,
Сам на спальника глядит.
Тот со злобы, иль от скуки,
Искусал себе все руки.
„Разумеется, достал“,
Наш Иван царю сказал.
„Где ж она?“ — „Постой
немножко,
„Прикажи сперва окошки
„В почивальне затворить,
„Чтобы темень сотворить“.

Тут дворяна прибежали,
И окошки затворяли. . .
Вот Иван мешок на стол.
„Ну-ка, бабушка, пошел!“
Свет такой тут вдруг разлился,
Что весь люд рукой закрылся;
Царь кричит на весь базар:
„Ахти, батюшки, пожар!
„Эй, решеточных сзывайте!
„Заливайте! заливайте!“
— „Это, слышь ты, не пожар,
— „Это свет от птицы-Жар“,
Молвил ловчий (сам со смеху
Надрываясь): „Потеху
„Я привез те, государь!“
Говорит Ивану царь:
„Вот люблю дружка-Ванюшу!
„Взвеселил мою ты душу,
„И, на радости такой,
„Будь же царский стремянной!“

Это видя, хитрый спальник,
Прежних конюших начальник,
Говорит себе под нос:
„Нет, постой, молокосос!
„Не всегда тебе случится
„Так канальски отличиться.
„Я те снова подведу,
„Мой дружочек, под беду!“

Через три потом недели
Вечерком одним сидели
В царской кухне повара
И служители двора;
Попивали мед из жбана
Да читали Еруслана.
„Эх!“ один слуга сказал,
„Как сегодня я достал
„От соседа чудо книжку.
„В ней страниц не так чтоб
слишком

„Да и сказок только пять;
„А уж сказки, вам сказать,
„Так не можно надивиться;
„Надо ж этак умудриться“.
Тут все в голос: „Удружи!“
„Расскажи, брат, расскажи!“
— „Ну, какую же хотите?
„Пять ведь сказок; вот, смотрите:
„Перва сказка о *Бобре*;
„А вторая о *Царе*;
„Третья... Дай бог память... точно
„О боярыне *Восточной*;
„Вот в четвертой *Князь Бобыль*;
„В пятой... в пятой... Эх, забыл!
„В пятой сказке говорится...
„Так в уме вот и вертится...“
— „Ну, да брось ее!“ — „Постой?
„О красотке, что ль какой?“
— „Точно! в пятой говорится
„О *прекрасной Царь-девице*;
„Ну, которую ж, друзья,

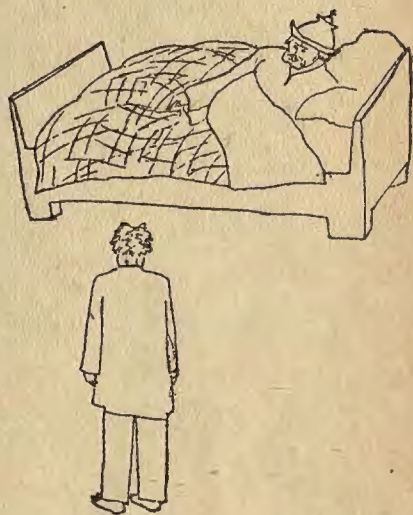
„Расскажу сегодня я?“
— „Царь-девицу! — все кричали:
„О царях уж мы слышали,
„Нам красоток-то скорей!
„Это слушать веселей“.
И слуга, усевшись важно,
Стал рассказывать протяжно:

„У далеких немских стран
„Есть, ребята, Окиян;
„По тому ли Окияну
„Ездят только басурманы;
„С православной же земли
„Не бывали николи
„Ни дворяне, ни миряне
„На поганом Окияне.
„От гостей же слух идет,
„Что девица там живет:
„Но девица не простая, —
„Дочь, вишь, месяцу родная,
„Да и солнышко ей брат.
„Та девица, говорят,
„Ездит в красном полушубке;
„В золотой, ребята, шляпке,
„И серебряным веслом
„Самолично правит в нем;
„Разны песни попевает
„И на гуслицах играет...”“

Спальник тут с палатей скок,
Не щадя боярских ног,

Во дворец к царю пустился
И как раз к нему явился;
Стукнул крепко о пол лбом
И запел царю потом:
„Я с повинной головою,
„Царь, явился пред тобою.
„Не вели меня казнить,
„Прикажи мне говорить!“
— „Говори, да правду только.
„И не ври, смотри, нисколько!“
Царь с кровати закричал,
Хитрый спальник отвечал:
„Мы сегодня в кухне были,
„За твоё здоровье пили.
„А один из дворских слуг
„Нас забавил сказкой вслух.
„В этой сказке говорится
„О прекрасной Царь-девице.
„Вот твой царский стремянной
„Поклялся твоей брадой,
„Что он знает эту птицу, —
„Так он назвал Царь-девицу, —
„И её, изволишь знать,
„Похваляется достать“.
Спальник стукнул о пол снова.
„Гей, позвать мне стремянного!“
Царь посыльным закричал.
Спальник тут за печку стал;
А посыльные дворяна
Побежали до Ивана,
В крепком сне его нашли
И в рубашке привели.

Царь так начал речь: „Послушай,
„На тебя донос, Ванюша.
„Говорят, что вот сейчас
„Похвалился ты для нас
„Отыскать другую птицу, —
„Сиречь, молвить, Царь-девицу“...
— „Что ты, что ты, бог с тобой!“
Начал царский стремянной:
„Чай, спросонок, я толкую,
„Шутку выкинул такую!
„Да хитри себе, как хошь,
„А меня не проведешь“.
Царь, затрясши бородою:
„Что, рядиться мне с тобою?“
Закричал он: „Но смотри,
„Если ты недели в три
„Не достанешь Царь-девицу
„В нашу царскую светлицу,
„То, клянуся бородой,
„Ты расплатишься со мной:
„На правеж... в решетку...
на кол!
„Вон, холоп!“ — Иван заплакал
И пошел на сеновал,
Где Конек его лежал.

„Что, Иванушка, не весел,
„Что головушку повесил?“ —
Говорит ему Конек:
„Аль, мой милый, занемог?
„Аль попался к лиходею?“

Пал Иван Коньку на шею,
Обнимал и целовал.
„Ох, беда, Конек!“ — сказал,
Царь велит в свою светлицу
„Мне достать, слышь,
Царь-девицу.
„Что мне делать, Горбунок?“
Говорит ему Конек:
„Велика беда, не спорю,
„Но могу помочь я горю
„От того беда твоя,
„Что не слушался меня.
„Но — сказать тебе по дружбе —
„Это службишка, не служба;
„Служба вся, брат, впереди!
„Ты к царю теперь поди
„И скажи: Ведь для поимки
„Надо царь мне две ширинки,
„Шитый золотом шатер
„Да обеденный прибор —
„Весь заморского варенья —
„И сластей для прохлажденья“.

Вот Иван к царю идет
И такую речь ведет:
„Для царевниной поимки
„Надо, царь, мне две ширинки,
„Шитый золотом шатер
„Да обеденный прибор —
„Весь заморского варенья —
„И сластей для прохлажденья“.

„Вот давно бы так, чем „нет!“
Царь с кровати дал ответ,
И велел, чтобы дворяна
Все сыскали для Ивана;
Молодцом его назвал
И „счастливый путь!“ сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил Конек Ивана:
„Гей, хозяин, полно спать!
„Время дело исправлять!“
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял ширинки и шатер
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья —
И сластей для прохладенья;
Все в мешок дорожный склал
И веревкой завязал.
Потеплее приоделся,
На Коньке своем уселся
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток
По тоё ли Царь-девицу.

Едут целую седмицу:
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал Конек Ивану:
„Вот дорога к Окияну,

„И на нем-то круглый год
„Та красавица живет;
„Два раза она лишь сходит
„С Окияна и приводит
„Долгий день на землю к нам.
„Вот увидишь завтра сам“.
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает к Окияну,
На котором белый вал
Одинешенек гулял.
Тут Иван с Конька слезает,
А Конек ему вещает:
„Ну, раскидывай шатер,
„На ширинки ставь прибор —
„Из заморского варенья —
„И сластей для прохлажденья.
„Сам ложися за шатром,
„Да смекай себе умом.
„Видишь, шлюпка вон мелькает...
„То царевна подплывает.
„Пусть в шатер она войдет,
„Пусть покушает, попьет;
„Вот как в гусли заиграет, —
„Знай, уж время наступает.
„Ты тотчас в шатер вбегай,
„Ту царевну сохватай
„И держи ее сильнее,
„Да зови меня скорее.
„Я на первый твой приказ
„Прибегу к тебе как раз
„И поедем... Да смотри же,
„Ты гляди за ней поближе.

„Если ж ты ее проспишь,
„Так беды не избежишь“.
Тут конек из глаз сокрылся;
За шатер Иван забился
И давай дыру вертеть,
Чтоб царевну подсмотреть.

★ ★ ★

Ясный полдень наступает;
Царь-девица подплывает,
Входит с гусями в шатер
И садится за прибор.
„Хм! так вот та Царь-девица!
„Как же в сказках говорится
(Рассуждает стремянной),
„Что куда красна собой
„Царь-девица так, что диво!
„Эта вовсе некрасива:
„И бледна-то, и тонка,
„Чай в обхват-то три вершка.
„А ножонка-то, ножонка!
„Тьфу ты, словно у цыпленка!
„Пусть полюбится кому,
„Я и даром не возьму“.
Тут царевна заиграла,
И столь сладко припевала,
Что Иван, не знаю как,
Прикорнулся на кулак,
И под голос тихий, стройный,
Засыпает преспокойно.
Запад тихо догорал...
Вдруг Конек над ним заржал.

И, толкнув его копытом,
Крикнул голосом сердитым:
„Спи, любезный, до звезды,
„Высыпай себе беды!
„Не меня, ведь, вздернут на кол!“
Тут Иванушка заплакал
И, рыдая, просил,
Чтоб Конек его простил.
„Отпусти вину Ивану,
„Я вперед уж спать не стану“.
— „Ну уж бог тебя простит!“
Горбунок ему кричит:
„Все поправим, может статься;
„Только — чур, не засыпаться;
„Завтра рано поутру,
„К златошвейному шатру
„Приплывет опять девица
„Меду сладкого напиться;
„Если снова ты заснешь,
„Головы уж не снесешь“.
Тут Конек опять сокрылся,
А Иван собирать пустился
Острых камней и гвоздей
От разбитых кораблей,
Для того чтоб уколется,
Если вновь ему вздремнется.

На другой день поутру,
К златошвейному шатру
Царь-девица подплывает;
Шлюпку на берег бросает,

Входит с гусями в шатер
 И садится за прибор...
 Вот царевна заиграла,
 И столь сладко припевала,
 Что Иванушке опять
 Захотелось поспать.
 „Нет, постой же ты, дрянная!“
 Говорит Иван, вставая:
 „Ты вдругорядь не уйдешь
 „И меня не проведешь“.
 Тут в шатер Иван вбегает,
 Косу длинную хватает...
 „Ой, беги, Конек, беги!
 „Горбунок мой, помоги!“
 Вмиг Конек к нему явился:
 „Ай, хозяин, отличился!
 „Ну, садись же поскорей,
 „Да держи ее плотней“.

Вот столицы достигают...
 Царь к царевне выбегает,
 Руки белые берет,
 Во дворец ее ведет,
 Просит сесть за стол дубовый
 И под занавес шелковый;
 В глазки с нежностью глядит,
 Сладки речи говорит:
 „Бесподобная девица!
 „Согласися быть царицей.
 „Я тебя едва узрел,
 „Сильно страстью воскипел.

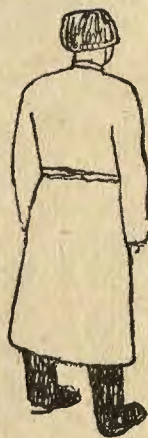

„Соколины твои очи
„Не дадут мне спать средь ночи,
„И во время бела дня,
„Ох, измучают меня.
„Молви ласковое слово!
„Все для свадьбы уж готово:
„Завтра ж утром, светик мой,
„Обвенчаемся с тобой
„И начнем жить припевая“.
А царица молодая,
Ничего не говоря,
Отвернулась от царя.
Царь несколько не сердился,
Но сильнее еще влюбился;
На колень пред нею встал,
Ручки нежно пожимал,
И баюшки начал снова:
„Молви ласковое слово!
„Чем тебя я огорчил?
„Али тем, что полюбил!“
— „О, судьба моя плачевна!“
Говорит ему царица:
„Если хочешь взять меня,
„То достань ты мне в три дня
„Перстень мой из Окияна“.
— „Гей! Позвать ко мне Ивана!“
Царь поспешно закричал
И чуть сам не побежал.

Вот Иван к царю явился.
Царь к нему оборотился

И сказал ему: „Иван!
„Поезжай на Окиян;
„В Окияне в том хранится
„Перстенечек Царь-девицы.
„Коль достанешь мне его,
„Задарю тебя всего“.
— „Я и с первой-то дороги
„Волочу насилу ноги;
„Ты опять — на Окиян!“
Говорит царю Иван.
„Как же, плут, не торопиться?
„Видишь, я хочу жениться?“ —
Царь со гневом закричал
И ногами застучал:
„У меня не отпирайся!
„А скорее отправляйся!“
Тут Иван хотел итти.
„Эй послушай! по пути“, —
Говорит ему царица: —
„Заезжай ты поклониться
„В изумрудный терем мой;
„Да скажи моей родной:
„Дочь ее узнать желает,
„Для чего она скрывает
„По три ночи, по три дня
„Лик свой ясный от меня?
„И зачем мой братец красный
„Завернулся в мрак ненастный
„И в туманной вышине
„Не пошлет луча ко мне?
„Не забудь же!“ — „Помнить буду,
„Если только не забуду;

„Да ведь надо же узнать,
 „Кто те братец, кто те мать?
 „Чтоб в родне-то нам не сбиться“.
 Говорит ему царица:
 „Месяц—мать мне, солнце—брат.
 „Да смотри, в три дня назад!“
 Царь жених к тому прибавил.
 Тут Иван царя оставил
 И пошел на сеновал,
 Где Конек его лежал.

„Что, Иванушка, не весел,
 „Что головушку повесил?“
 Говорит ему Конек.
 „Помоги мне, Горбунок!
 „Видишь, вздумал царь жениться
 „На заморской Царь-девице,
 „Так и шлет на Окиян“,
 Говорит Коньку Иван:
 „Дал мне сроку три дня только.
 „Тут попробовать изволь-ка
 „Перстень дьявольский достать
 „Да велела заезжать
 „Эта тонкая девица
 „Где-то в терем, поклониться,
 „Солнцу, месяцу; притом
 „И спрошать кое об чем“.
 Тут конек: „Сказать по дружбе,
 „Это службишка, не служба;
 „Служба вся, брат, впереди!
 „Ты теперя спать поди.

„А на завтра утром рано,
„Мы поедем к Окияну“.
На другой день наш Иван,
Взяв три луковки в карман,
Потеплее приоделся.
На коньке своем уселся,
И поехал в дальний путь...
Дайте, братцы, отдохнуть!

ЧАСТЬ III.

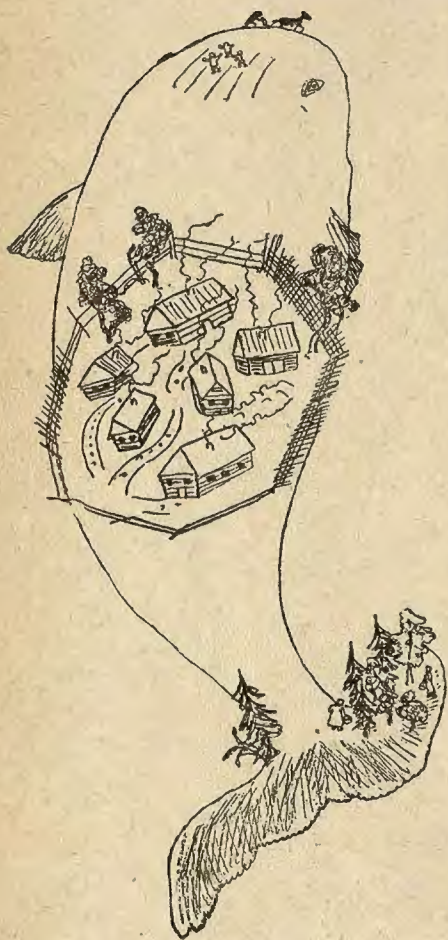
„Доселе Макар огороды копал,
А ныне Макар в воеводы попал“.

Та-ра-ра-ли, та-ра-ра,
Вышли кони со двора;
Вот крестьяне их поймали,
Да покрепче привязали...
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу;
Как во трубушку играет,
Православных потешает:
„Эй! послушай, люд честной!
„Жили были муж с женой;
„Муж-то примется за шутки,
„А жена за прибаутки,
„И пойдет у них тут пир,
„Что на весь крещеный мир!“
Это присказка ведется,
Сказка вскоре же начнется.
Как у наших у ворот
Муха песенку поет:
„Что дадите мне за вестку?
„Бьет свекровь свою невестку:
„Посадила на шесток,
„Привязала за шнурок,

„Ручки к ножкам притянула,
„Ножку правую разула.
„Не ходи ты по зарям!
„Не кажися молодцам!..
Это присказка велася,
Вот и сказка началась:

Ну-с, так едет наш Иван
За кольцом на Окиян.
Горбунок летит как ветер,
И, в почин, на первый вечер
Верст сто тысяч отмахал,
И нигде не отдыхал.

Подъезжая к Окияну,
Говорит Конек Ивану:
„Ну, Иванушка, смотри,
„Вот минутки через три
„Мы приедем на поляну,
„Прямо к морю-Окияну:
„Поперек его лежит
„Чудо-юдо рыба-кит;
„Десять лет уж он страдает,
„А доселева не знает,
„Чем прощенье получить.
„Он учнет тебя просить,
„Чтоб ты в солнцевом селеньи
„Испросил ему прощенье;
„Ты исполнить обещаи,
„Да смотри ж, не забывай!“

Вот въезжают на поляну,
Прямо к морю-Окияну;
Поперек его лежит
Чудо-юдо рыба-кит.
Все бока его изрыты,
Частоколы в ребра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит,
Мужики на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дубраве меж усов
Ищут девушки грибов.

Вот конек бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо рыба-кит
Так проезжим говорит,
Рот широкий отворяя,
Тяжко, горько вздыхая:
„Путь-дорога, господа!
„Вы откуда и куда?“
— „Мы послы от Царь-девицы,
„Едем оба из столицы“,
Говорит киту Конек,
„К солнцу прямо на восток,
„Во хоромы золотые...“
— „Так нельзя ль, отцы родные,
„Вам у солнышка спросить:
„Долго ль мне в опале быть,
„И за кои прегрешенья
„Я терплю беды, мученья?“

— „Ладно, ладно, рыба-кит!“
Наш Иван ему кричит.
— „Будь отец мне милосердный,
„Вишь, как мучуся я бедный:
„Десять лет уж тут лежу...
„Я и сам те услужу!“
Кит Ивана умоляет.
Сам же горько вздыхает.
„Ладно, ладно, рыба-кит!“
Наш Иван ему кричит.
Тут Конек под ним забился,
Прыг на берег и пустился;
Только видно, как песок
Вьется вихорем у ног.

Едут близко ли, далеко,
Едут низко ли, высоко,
И увидели ль кого —
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дело мешкотно творится,
Только, братцы, я узнал,
Что Конек туда вбежал,
Где (я слышал стороною)
Небо сходится с землею,
Где крестьянки лен прядут,
Прялки на небо кладут.

Тут Иван с землей простился
И на небе очутился,

И поехал будто князь,
Шапка на бок, подбодрясь.
„Эко диво! эко диво!
„Наше царство хоть красиво“,
Говорит Коньку Иван
Средь лазоревых полян,
„А как с небом-то сравнится,
„Так под стельку не годится.
„Что земля-то? ведь она
„И черна-то и грязна;
„Здесь земля-то голубая,
„А уж светлая какая!..
„Посмотри-ка, Горбунок,
„Видишь, вон где, на восток,
„Словно светится зарница...
„Чай, небесная светлица...
„Что-то больно высока?“
Так спросил Иван Конька.
— „Это терем Царь-девицы!
„Нашей будущей царицы!“
Горбунок ему кричит:
„По ночам тут солнце спит,
„А полуденной порою
„Месяц входит для покою“.

Подъезжают; у ворот
Из столбов хрустальный свод,
Все столбы те завитые
Хитро в змейки золотые,
На верхушках три звезды,
Вокруг терема сады;

На серебряных там ветках,
В раззолоченных во клетках
Птицы райские живут,
Песни царские поют.
А ведь терем с теремами,
Будто город с деревнями.
А на тереме из звезд —
Православный русский крест.

Вот Конек во двор вбегает,
Наш Иван с него слезает
В терем к месяцу идет
И такую речь ведет:
„Здравствуй, Месяц Месяцович!
„Я — Иванушка Петрович!“
„Из далеких я сторон
„И привез тебе поклон“.
— „Сядь, Иванушка Петрович!“
Молвит Месяц Месяцович,
„И поведай мне вину
„В нашу светлую страну
„Твоего с земли прихода;
„Из какого ты народа,
„Как попал ты в этот край?
„Все скажи мне, не утай“.
— „Я с земли пришел Землянской,
„Из страны, слышь, Христиан-
ской“,
Говорит, садясь, Иван:
„Переехал Окиян
„С порученьем Царь-девицы —

„В светлый терем поклониться,
„И сказать вот так... постой!
„Да скажи моей родной:
„Дочь ее узнать желает,
„Для чего она скрывает
„По три ночи, по три дня
„Лик какой-то от меня?
„И зачем мой братец красный,
„Завернулся в мрак ненастный,
„И в туманной вышине
„Не пошлет луча ко мне?
„Так кажися!.. Мастерца
„Говорить красно царица;
„Не припомнишь все сполна,
„Что сказала мне она“.
— „А какая та царица?“
— „Это, знаешь, Царь-девица“.
— „Царь-девица?.. Так она
„Что ль тобой увезена?“
Вскликнул Месяц Месяцovich.
А Иванушка Петрович
Говорит: „известно мной!
„Вишь, я царский стремянной;
„Ну, так царь меня отправил,
„Чтобы я ее доставил
„В три недели во дворец,
„А не то меня, отец,
„Посадить грозился на кол“.
Месяц с радости заплакал,
Ну Ивана обнимать,
Целовать и миловать.
„Ах, Иванушка Петрович!“

Молвил Месяц Месяцovich,
„Ты принес такую весть,
„Что не знаю, чем и счесть!
„А уж мы как горевали,
„Что царевну потеряли.
„Оттого-то, видишь, я
„По три ночи, по три дня,
„В темном облаке ходила,
„Все грустила, да грустила,
„Трое суток не спала,
„Крошки хлеба не брала;
„Оттого-то сын мой красный
„Завернулся в мрак ненастный.
„Луч свой жаркий погасил,
„Миру божью не светил:
„Все грустил, вишь, по сестрице,
„Той ли красной Царь-девице,
„Что, здорова ли она?
„Не грустна ли, не больна?“
— „Всем бы, кажется, красотка,
„Да, у ней, кажись, сухотка;
„Ну, как спичка, слышь, тонка,
„Чай в обхват-то три вершка:
„Вот как замуж-то поспеет,
„Так небось и потолстеет;
„Царь, слышь, женится, на ней“.
Месяц воскликнул: „Ах злодей!
„Вздумал в семьдесят жениться
„На молоденькой девице!
„Да, стою я крепко в том,
„Просидит он женихом!
„Вишь, что старый хрен затеял:

„Хочет жать там, где не сеял!
„Полно, лаком больно стал!“
Тут Иван опять сказал:
„Есть еще к тебе прошение,—
„То о китовом прощеньи...
„Есть, вишь, море; чудо-кит
„Поперек его лежит;
„Все бока его изрыты,
„Частоколы в ребра вбиты...
„Он, бедняк, меня просил,
„Чтобы я тебя спросил,
„Скоро ль кончится мученье?
„Чем сыскать ему прощенье
„И за что он тут лежит?“
Месяц ясный говорит:
„Он за то несет мученье,
„Что, без божия веленья,
„Проглотил среди морей
„Три десятка кораблей,
„Если даст он им свободу,
„Снимет бог с него невзгоду,
„Вмиг все раны заживит,
„Долгим веком наградит“.

Тут Иванушка поднялся,
С светлым Месяцем прощался,
Крепко шею обнимал,
Трижды в щеки целовал.
„Ну, Иванушка Петрович!“
Молвил Месяц Месяцovich,
„Благодарствую тебя

„За сынка и за себя.
„Отнеси благословенье
„Нашей дочке в утешенье,
„И скажи моей родной:
„Мать твоя всегда с тобой;
„Полно плакать и крушиться,
„Скоро грусть твоя решится,—
„И не старый, с бородой,
„А красавец молодой
„Поведе́т тебя к на́лою.
„Ну, прощай же! бог с тобою!“
Поклонившись, как умел,
На Конька Иван тут сел,
Свистнул, будто витязь знатный,
И пустился в путь обратный.
На другой день наш Иван
Вновь пришел на Окиян.
Вот Конек бежит по киту,
По костям стучит копытом;
Чудо-юдо рыба-кит
Так, вздохнувши, говорит:
„Что, отцы, мое прошение,
„Получу ль когда прощение?
„Погоди ты, рыба-кит!“
Тут Конек ему кричит.

Вот в село он прибегает,
Мужиков к себе сзывает,
Черной гривой трясет
И такую речь ведет:
„Эй, послушайте, миряне,

„Православны христиане!
„Коль не хочет кто из вас
„К водяному сесть в приказ,
„Убирайся вмиг отсюда.
„Здесь сейчас случится чудо:
„Море сильно закипит,
„Повернется рыба-кит!“
Тут крестьяне и миряне,
Православны христиане
Закричали: „Быть бедам!“
И пустились по домам.
Все телеги собирали;
В них, не мешкая, поклали
Все, что было живота,
И оставили кита.
Утро с полднем повстречалось,
А в селе уж не осталось
Ни одной души живой,
Словно шел Мамай войной!

Наш Конек на хвост вбегает,
К перьям близко прилегает,
И, что мочи есть, кричит:
„Чудо-юдо рыба-кит!
„От того твои мученья,
„Что, без божия веленья,
„Проглотил ты средь морей
„Три десятка кораблей.
„Если дашь ты им свободу,
„Снимет бог с тебя невзгоду,
„Вмиг все раны заживит,

„Долгим веком наградит“.
И, окончив речь такую,
Закусил узду стальную,
Понатужился, и вмиг
На далекий берег — прыг.

Чудо-кит зашевелился,
Словно холм поворотился,
Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями
С парусами и гребцами.

Тут поднялся шум такой,
Что проснулся царь морской;
В пушки медные палили,
В трубы кованы трубили,
Белый парус поднялся,
Флаг на мачте развился:
Поп с причетом всем служебным
Пел на палубе молебны;
А гребцов веселый ряд
Грянул песню наподхват:
„Как по моречку, по морю,
„По широкому раздолью,
„Что по самый край земли
„Выбегают корабли“.

Волны моря за клубились,
Корабли из глаз сокрылись.

Чудо-юдо рыба-кит
Громким голосом кричит,
Рот широкий отворяя,
Плесом волны разбивая:
„Чем вам, други, услужить,
„Чем за службу наградить?
„Надо ль раковин цветистых,
„Надо ль рыбок золотистых,
„Надо ль крупных жемчугов?
„Все достать для вас готов!“
— „Нет, кит-рыба, нам в награду
„Ничего того не надо“,
Говорит ему Иван:
„Лучше перстень нам достань, —
„Перстень, знаешь, Царь-девицы,
„Нашей будущей царицы“.
— „Ладно, ладно! для дружка
„И сережка из ушка!
„Отыщу я до зарницы
„Перстень красной Царь-девицы“,
Кит Ивану отвечал
И, как ключ, на дно упал.

Вот он плесом ударяет,
Громким голосом сзывает
Осетринный весь народ
И такую речь ведет:
„Вы достаньте до зарницы
„Перстень красной Царь-девицы,
„Скрытый в ящичке на дне.
„Кто его доставит мне,

„Награжу того я чином,
„Будет думным дворянином.
„Если ж строгий мой приказ
„Не исполните... я вас!“
Осетры тут поклонились
И в порядке удалились.

Через несколько часов,
Двое белых осетров
К киту медленно подплыли,
И смиренно говорили:
„Царь великий, не гневись!
„Мы все море уж, кажись,
„Исходили и изрыли,
„Но и знака не открыли.
„Только ерш один у нас
„Совершил бы твой приказ:
„Он по всем морям гуляет,
„Так уж верно перстень знает;
„Но его, как бы на зло,
„Вдруг куда-то унесло“.
— „Отыскать его в минуту,
„И послать в мою каюту!“
Кит сердито закричал
И усами закачал.

Осетры вновь поклонились,
В земский суд бежать пустились,
И велели в тот же час
От кита писать указ,

Чтоб гонцов скорей послали
И ерша того поймали.
Лещ, услыша сей приказ,
Именной писал указ;
Сом (советником он звался)
Под указом подписался;
Черный рак указ сложил
И печати приложил;
Двух дельфинов в суд призвали
И, отдав указ, сказали,
Чтоб от имени царя
Обежали все моря
И того ерша-гуляку,
Крикуна и забияку
Где бы ни было нашли,
К государю привели.
Тут дельфины поклонились.
И ерша искать пустились.

Ищут час они в морях,
Ищут час они в реках,
Все озера исходили,
Все проливы переплыли,
Не могли ерша сыскать
И вернулись назад,
Чуть не плача от печали!..

Вдруг дельфины услышали,
Где-то в маленьком пруде,
Крик неслыханный в воде.

В пруд дельфины завернули
И на дно его нырнули...
Глядь: в пруде, под камышом,
Ерш дерется с карасем.
„Смирно! черти б вас побрали:
„Вишь, содом какой подняли,
„Словно важные бойцы!“
Закричали им гонцы.
— „Ну а вам какое дело?“
Ерш кричит дельфинам смело:
„Я шутить ведь не люблю,
„Разом всех переколю!“
— „Ох ты, вечная гуляка,
„И крикун и забияка!
„Все бы, дрянь, тебе гулять,
„Все бы драться да кричать;
„Дома — нет, ведь не сидится!...
„Ну, да что с тобой рядиться;
„Вот тебе царев указ,
„Чтоб ты плыл к нему тотчас“.

Тут проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назад.
Ерш—ну рваться и кричать:
„Будьте милостивы, братцы,
„Дайте чуточку подраться.
„Распроклятый тот карась
„Поносил меня вчера,
„При честном при всем собраньи,
„Неподобной разной бранью...“

Долго ерш еще кричал,
Наконец и замолчал;
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились пред царя.

„Что ты долго не являлся,
„Где, ты, вражий сын, шатался?“
Кит со гневом закричал.
На колени ерш упал
И, признавшись в преступленьи,
Он молился о прощеньи.
„Ну, уж бог тебя простит!“
Кит державный говорит:
„Но за то твое прощенье
„Ты исполни повеленье“.
— „Рад стараться, чудо-кит!“
На коленях ерш пищит.
„Ты по всем морям гуляешь,
„Так уж верно перстень знаешь
„Царь-девицы?“ — „Как не знать!
„Можем разом отыскать“.
— „Так ступай же поскорее,
„Да сыщи его живее!“

Вот, отдав царю поклон,
Ерш пошел, согнувшись, вон.
С царской дворней побранился,
За плотвой поволочился

И салакушкам шести
Нос разбил он на пути.
Совершив такое дело,
В омут кинулся он смело
И в подводной глубине
Вырыл ящик он на дне —
Пуд, по крайней мере, во сто.
„О, здесь дело-то не просто!“
И давай из всех морей
Ерш скликать к себе сельдей.

Сельди духом собралися,
Сундучок тащить взялися,
Только слышно и всего —
У-у-у! да о-о-о!
Но сколь сильно ни кричали,
Животы лишь надорвали,
А проклятый сундучок
Не дался и на вершок.
„Настоящие селедки!
„Вам кнута бы, вместо водки!“
Крикнул ерш со всех сердец
И нырнул по осетров.

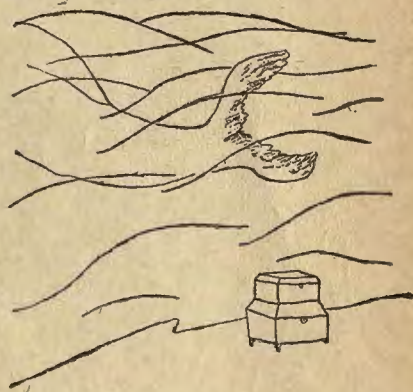
Эти мигом приплывают
И, без крика, поднимают
Крепко ввязнувший в песок
С перстнем красный сундучок.
„Ну, ребятушки, смотрите,
„Прямо вы к царю плывите,

„Я ж пойду теперь ко дну
„Да немножко отдохну;
„Что-то сон одолевает,
„Так глаза вот и смыкает!“
Осетры к царю плывут,
Ерш-гуляка прямо в пруд
(Из которого дельфины
Утащили за щетины),
Чай, додраться с карасем!
(Я не ведаю о том).
Но теперь мы с ним простимся
И к Ивану возвратимся.

Тихо море-Окиян.
На песке сидит Иван,
Ждет Кита из синя моря
И мурлыкает от горя;
Повалившись на песок,
Дремлет верный Горбунок.
Время к вечеру клонилось;
Вот уж солнышко спустилось;
Тихим пламенем горя,
Развернулася заря,
А кита не тут-то было.
„Чтоб те, вора, задавило!
„Вишь какой морской шайтан!“
Говорит себе Иван:
„Обещался до зарницы
„Вынести перстень Царь-девицы,
„А доселе не сыскал,
„Окаянный зубоскал!

„А уж солнышко-то село,
„И“... Тут море закипело,
Появился чудо-кит
И Ивану говорит:
„За твое благодеянье
„Я исполнил обещанье“.
С этим словом сундучок
Брякнул плотно на песок,
Только берег закачался, —
„Ну теперь я расквитался,
„Если ж вновь принужусь я,
„Позови опять меня;
„Твоего благодеянья
„Не забыть мне... До свиданья!“
Тут кит-чудо замолчал
И, всплеснув, на дно упал.

Горбунок-Конек проснулся,
Встал на ножки, отряхнулся,
На Иванушку взглянул
И четырежды прыгнул.
„Ай да Кит Китович! славно!
„Долг свой выплатил исправно!
„Ну спасибо, рыба-кит!“
Горбунок-Конек кричит.
„Что ж, хозяин, одевайся,
„В путь-дорожку отправляйся;
„Три денька ведь уж прошло,
„Завтра срочное число;
„Чай старик уж умирает“.
А Ванюша отвечает:

„Рад бы радостью поднять,
„Да ведь силы не занять!
„Сундучишко больно плотен;
„Чай чертей в него пять сотен
„Кит проклятый насажал,
„Я уж трижды подымал —
„Тяжесть страшная такая!“
Горбунук, не отвечая,
Поднял ящичек ногой,
Будто камешек какой,
И взмахнув к себе на шею,—
„Ну, Иван, садись скорее!
„Помни, завтра минет срок,
„А обратный путь далек“.

Стал четвертый день зориться,
Наш Иван уже в столице.
Царь с крыльца к нему бежит.
„Что кольцо мое?“ кричит.
Тут Иван с конька слезает
И преважно отвечает:
„Вот тебе и сундучок!
„Да вели-ка скликать полк:
„Сундучишко мал хоть на вид,
„А и дьявола задавит“.
Царь тотчас стрельцов позвал
И, не медля, приказал
Сундучок отнести в светлицу.
Сам пошел по Царь-девицу:
„Перстень твой, душа, найден!“
Сладкогласно молвил он.

„И теперь, — промолвил снова, —
„Нет препятствия никакого
„Завтра утром, светик мой,
„Обвенчаться мне с тобой;
„Но не хочешь ли, дружочек,
„Свой увидеть перстенецек? —
„Он в дворце моем лежит“.
Царь-девица говорит:
„Знаю, знаю! Но, признаться,
„Нам нельзя еще венчаться“.
— „Отчего же, светик мой?
„Я люблю тебя душой;
„Мне, прости мою ты смелость,
„Страх жениться захотелось,
„Если ж ты... то я умру
„Завтра ж с горя поутру,
„Сжался, красная девица!“
Отвечает Царь-девица:
„Но взгляни-ка, ты ведь сед,
„Мне пятнадцать только лет;
„Как же можно нам венчаться?
„Все цари начнут смеяться.
„Дед-то, скажут, внучку взял!“
Царь со гневом закричал:
„Пусть-ка только засмеются —
„У меня как раз свернутся:
„Все их царства полоню!
„Весь их род искореню!“
— „Пусть не станут и смеяться,
„Все нельзя же нам венчаться, —
„Не растут зимой цветы!
„Я красавица, а ты?..

„Чем ты можешь похвалиться?“
Говорит ему девица.
„Я хоть стар, да я удал!“
Царь царевне отвечал:
„Как немножко приберуся,
„Хоть кому так покажуся
„Разудалым молодцом.
„Ну да что нам нужды в том?
„Лишь бы только нам жениться“.
Говорит ему девица:
„А такая в том нужда,
„Что не выйду никогда
„За дурного, за седого,
„За беззубого такого!“
Царь в затылке почесал,
И, нахмурясь, сказал:
„Что же делать, Царь-девица?
„Страх как хочется жениться!
„Ты же, ровно на беду:
„Не пойду, да не пойду!“
— „Не пойду я за седого!“
Царь-девица молвит снова:
„Стань, как прежде, молодец;
„Я тотчас же под венец“.
— „Вспомни, красная девица,
„Ведь нельзя переродиться;
„Чудо бог один творит“.
Царь-девица говорит:
„Коль себя не пожалеешь,
„Ты опять помолодеешь.
„Слушай: завтра на заре,
„На широком на дворе

„Должен челядь ты заставить
„Три котла больших поставить,
„И костры под них сложить.
„Первый надобно налить
„До краев водой студеной,
„А второй водой вареной,
„И последний молоком,
„Вскипятя его ключом,
„Вот, коль хочешь ты жениться,
„И красавцем учиниться, —
„Ты, без платья, на-легке
„Искупайся в молоке:
„Тут побудь в воде вареной,
„А потом еще в студеной.
„И скажу тебе, отец,
„Будешь знатный молодец!“

Царь не вымолвил ни слова,
Крикнул тотчас стремянного.
„Что, опять на Окиян?“
Говорит царю Иван.
„Нет уж дудки, ваша милость!
„Уж и так во мне все сбилось;
„Не поеду ни за что!“
— „Нет, Иванушка, не то.
„Завтра я хочу заставить
„На дворе котлы поставить
„И костры под них сложить.
„Первый, думаю, налить
„До краев водой студеной,
„А второй — водой вареной,

„А последний — молоком,
„Вскипятя его ключом.
„Ты же должен постараться,
„Пробы ради искупаться
„В этих трех больших котлах,
„В молоке и в двух водах“.
— „Вишь откуда подъезжает!“
Речь Иван тут начинает:
„Шпарят только поросят,
„Да индюшек, да цыплят,
„Я ведь, глянь, не поросенок,
„Не индюшка, не цыпленок,
„Вот в холодной, так оно,
„Искупаться бы можно,
„А подваривать как станешь,
„Так меня и не заманишь.
„Полно, царь, хитрить, мудрить,
„Да Ивана проводить!“
Царь, затрясши бородою:
„Что рядиться мне с тобою?“
Закричал он. „Но смотри!
„Если ты в рассвет зари
„Не исполнишь повеленье, —
„Я отдам тебя в мученье;
„Прикажу тебя пытать,
„По кусочкам разрывать!
„Вон отсюда, болесть злая“.
Тут Иванушка, рыдая,
Поплелся на сеновал,
Где Конек его лежал

★ ★ ★

„Что, Иванушка, не весел,
„Что головушку повесил?“
Говорит ему Конек:
„Чай наш старый женишок
„Снова выкинул затею?“
Пал Иван Коньку на шею,
Обнимал и целовал.
„Ох беда, Конек!“ — сказал.
„Царь в конец меня сбывает;
„Сам подумай, заставляет
„Искupаться мне в котлах
„В молоке и в двух водах:
„Как в одной воде студеной,
„А в другой воде вареной;
„Молоко, слышь, — кипятoк“.
Говорит ему Конек:
„Вот уж служба, так уж служба!
„Тут нужна моя вся дружба.
„Как же, к слову, не сказать:
„Лучше б нам пера не брать;
„От него-то, от злодея,
„Столько бед тебе на шею...
„Ну, не плачь же, бог с тобой!
„Сладим как-нибудь с бедой.
„И скорее сам я сгину,
„Чем тебя, Иван, покину.
„Слушай: завтра на дворе
„В те поры, как на заре,
„Ты разденешься, как должно,
„Попроси царя: Не можно ль,
„Ваша милость, приказать
„Горбунка ко мне послать,

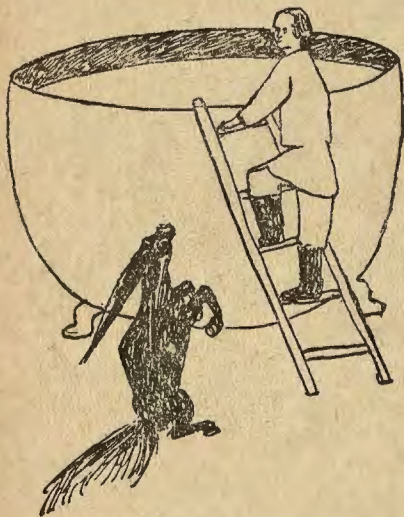

„Чтоб в-последни с ним
проститься?

„Царь на это согласится.
„Вот как я хвостом махну.
„Мордой в те котлы макну,
„На тебя три раза прысну,
„Громким посвистом присвистну,
„Ты, смотри же, не зевай:
„В молоко сперва ныряй,
„Тут в котел с водой вареной,
„И оттудова в студеной.
„А теперича молись
„Да спокойно спать ложишься“.

На другой день утром рано
Разбудил Конек Ивана.
„Эй, хозяин, полно спать!
„Время службу исправлять“.
Наш Ванюша почесался,
Потянулся и поднялся,
Помолился на собор
И пошел к царю во двор.

Там котлы уже кипели;
Подле них рядом сидели
Кучера и повара,
И служители двора.
Дров усердно прибавляли,
Об Иване толковали
Втихомолку меж собой
И смеялись порой.

Скоро двери растворились,
Царь с царевной появились
И готовились с крыльца
Посмотреть на удалца.
„Ну, Ванюша, раздевайся,
„И в котлах, брат, покупайся!“
Царь Ивану закричал.
Тут Иван одежду снял,
Ничего не отвечая.
А царевна молодая,
Чтоб не видеть наготу,
Завернулася в фату.
Вот Иван к котлам поднялся,
Глянул в них — и зачесался.
„Что же ты, Ванюша, стал?“
Царь опять ему вскричал:
„Исполняй-ка, брат, что должно!“
Говорит Иван: „Не можно ль,
„Ваша милость, приказать
„Горбунка ко мне послать?
„Я в-последни б с ним простился“.
Царь подумал, согласился
И изволил приказать
Горбунка к нему послать.
Тут слуга Конька приводит
И к сторонке сам отходит.

Вот Конек хвостом махнул,
Мордой в те котлы макнул,
На Ивана трижды прыснул.
Громким посвистом присвистнул.

На Конька Иван взглянул
И в котел тотчас нырнул,
Тут в другой, там в третий тоже,
И такой он стал пригожий —
Что ни в сказке не сказать
Ни пером не описать!
Вот он в платье нарядился,
Царь-девице поклонился,
Осмотрелся, подбодрясь,
С важным видом, будто князь.

„Эко диво!“ — все кричали:
„Мы и слухом не слыхали,
Чтобы так похорошеть!“

Царь велел себя раздеть;
Два раза перекрестился...
Бух в котел и... там сварился!
Царь-девица тут встает,
Знак молчанья подает,
Покрывало подымает
И к прислужникам вещает:
„Царь велел вам долго жить!
„Я хочу царицей быть,
„Люба ль я вам? — отвечайте:
„Если любя, то признайте
„Володетелем всего
„И супруга моего!“
Тут царевна замолчала,
На Ивана показала...

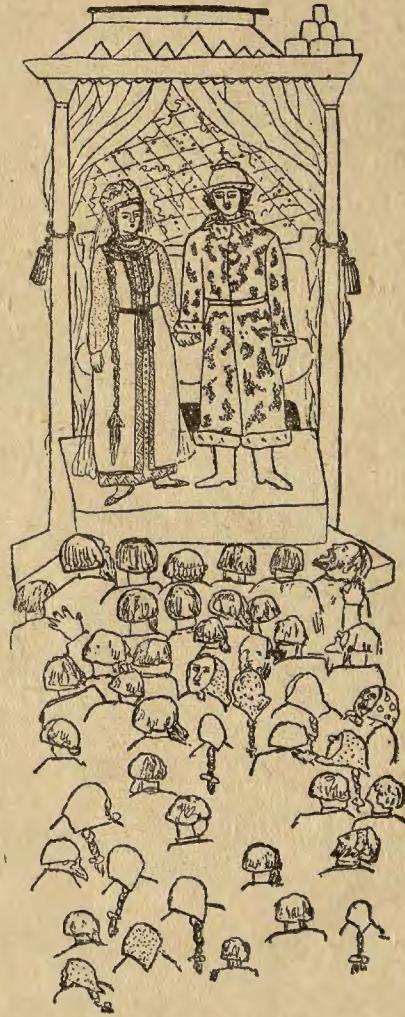

„Люба, любя!“ — все кричат.
„За тебя хоть в самый ад!
„Твоего ради талана
„Признаем царем Ивана“.

Царь царицу тут берет,
В церковь божью ведет,
И с невестой молодою
Он обходит вокруг налою.
Пушки с крепости палят,
В трубы кованы трубят;
Все подвалы отворяют,
Бочки с фряжским выставляют,
И, напившись, народ
Что есть мочушки дерет:
„Здравствуй, царь наш со царицей,
„С распрекрасной Царь-девицей!“

Во дворце жё пир горой:
Вина льются там рекой:
За дубовыми столами
Пьют бояре со князьями...
Сердцу любо! Я там был,
Мед, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.

СЛОВАРЬ

Бабка — употребляемая для игры кость из нижнего сустава лошадиной или коровьей ноги. Черная бабка — крашеная или залитая свинцом.

Балясы — шутки, пустяшные разговоры.

Белоярое пшено — кукуруза, пшонка, маис. Упоминается в сказках как конский корм.

Буерак — небольшой овраг. Суеверные люди считали овраги местопребыванием чертей.

Благой — значит не только хороший, но в народной речи означает также злой, упрямый, своенравный.

Вдругоредь — в другой раз.

Вина — значит не только поступок, преступление, но и причина; поэтому „вина прихода“ — причина прихода.

Глазей — кто глазеет, пялит глаза.

Гости — в старинном языке значило приезжие купцы.

Думные дворяне — члены совещания при царе для управления страной.

Ендова — большой сосуд для разливки пива, браги и других напитков. „Постучали ендовой“ — выпили хмельного.

Еруслан — богатырь из народных сказок.

Жбан — высокий кувшин с крышкой и носиком.

Живот — в старинном языке значило жизнь: „некорыстный живот“ — бескорыстная жизнь.

Жомы — тиски.

Загреби — то, чем загребают, руки.

Зельно — зело, очень.

Земский суд — в старину — суд вне города.

Клепать — клеветать, возводить ложные обвинения.

Льзя — можно.

Малахай — долгополая одежда без пояса.

Мамай — татарский хан, предводитель татар, нападавших на Русь.

Переться—препираться, спорить.

Плеск—рыбий хвост.

Правеж—взыскание долга или пени посредством истязания.

Приказ—в старину орган управления, местопребывание начальства.

Ражий—видный, красивый, крепкий.

Решетка—тюремная ограда, тюрьма.

Решеточные—тюремные стражники, призывавшиеся также для охраны в случае пожара.

Рядиться—договариваться о цене.

Салакушка—морская рыба вроде маленькой селедки.

Седьмица—воскресенье.

Соглядать—подсматривать,

тайно разузнавать.

Спальник—старинный придворный чин, царский управляющий.

Суседка—в народном суеве-
рии—домовой, живущая в до-
ме нечистая сила.

Сусек—отгороженное в ам-
баре место для ссыпки хлеб-
ного зерна.

Сыта—сладкий напиток, раз-
варенный в воде—мед.

Таловый—ивовый, прутьяной.

Фряжское вино—фран-
цузское вино, заграничное ви-
но.

Шабалки—баклуши, безделье;
„и шабалки“—и все кончено.

Шайтан—в народном суеве-
рии—чорт.

Ширинка—полотнище, отре-
зок ткани.

60 коп.

3. 11. 1941
МАГ. 11

2015148380